

НОВѢЙШІЯ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕВГЕНІЯ-СЮ, БАЛЬЗАКА И ОЖЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва. Ноября 5 дня, 1833 года.**

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

РАЗБОЙНИКЪ

ГІОВАНЪ КАМИЛЛО.

СЦЕНЫ ИЗЪ КОРСИКАНСКИХЪ ПРАВОВЪ.

§ I.

La corse voit les femmes inspirer à leur enfans des haines implacables.

BERNARDIN DE ST. PIERRE.

Гіованъ Камилло былъ еще у груди своей матери, когда лишился отца отъ *Cattiva morte*, поверженнаго рукою своихъ враговъ. Пришедши въ юношескій возрастъ, трудолюбивая жизнь, имъ веденная, работы, копорымъ онъ подвергался, подали мысль

его матери, что пора вручить ему драгоценный залогъ. Сія плачевная дума занимала ее однимъ днемъ въ то время, когда сынъ возвратился съ охоты, покрытый потомъ. Она опдала ему рубашку окровавленную: » Сынъ мой, это та самая рубашка, въ которой былъ убитъ отецъ твой. Я вручаю ее тебѣ въ томъ же самомъ видѣ. носи ее какъ она есть, или старайся вымыть ее въ крови убійцы. « При сихъ словахъ Гіованъ Камилло вооружается и отправляется въ путь.

Его непріатели имѣли многочисленное родство, которое могло бы съ ними соединиться для отпора, и онъ могъ быть подавленъ множествомъ; но онъ надѣлъ на себя военный уборъ— окровавленную рубашку.

Онъ нападаетъ сначала на пѣхъ,

которые посильнѣе, легче преперпѣваю-
 ютъ всѣ недоспапки и легче приучают-
 ся къ жизни въ *макисъ* *. Въ нѣсколь-
 ко мѣсяцевъ онъ испребилъ пять;
 эшаго мало, потому что самый ужа-
 сный еще существуетъ — живетъ не
 извѣстно гдѣ. Но его извѣстный нравъ
 и нѣкоторыя предчувствія, заставля-
 ютъ опасаться, чтобъ онъ не попалъ
 на него въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всего
 менѣе ожидать можно было. Гіованъ
 Камилло увѣрялъ, что онъ видѣлъ его
 перешедшимъ гору; его не видятъ бо-

* Густой лѣсъ, состоящій изъ частаго кустар-
 ника, въ которомъ скрываются разбойники. Го-
 ворятъ: *calla macchia* для означенія, что онъ
 находится въ дорогѣ для наступательныхъ
 и оборонительныхъ дѣйствій противъ своихъ
 непріятелей и стражи общественной безопа-
 сности. Бернардинъ де Сеньеръ употребилъ
 слово *макисъ* въ своихъ пвореніяхъ.

лѣе и всѣ полагаютъ, что онъ удался. Пятнадцать дней едва пропекло, какъ уже сей непріятель, долженствовавшій опмститъ за смерть родныхъ своихъ, по общему мнѣнію, палъ, пораженный выстрѣломъ, нечаянно вылетѣвшимъ изъ связки прутьевъ. Сія связка заключала въ себѣ Гіована, который поселился въ оной, и провелъ восемь дней и восемь ночей, ожидая, чтобъ обреченная жертва, по случаю или по старинной привычкѣ, сама явилась подъ убійственное дуло его ружья. Его мать должна была быть удовлетворена; онъ самъ былъ опмщенъ, но мщеніе

chi l'cha fatta l'aspetti *.

Родственники убитыхъ вооружились и начали его преслѣдовать. Онъ оборо-

* Кто совершилъ оное (мщеніе), долженъ онаго и ожидать.

нялся удачно, и наконецъ его непріятели упомились безпрестанными дѣйствіями. Ему оставалось опдѣлаться только опъ преслѣдованій правосудія, но оное часъ опъ часу спѣсняло его болѣе и положило награду за его голову.

Упомясь бытъ въ безпрестанной осторожности, онъ рѣшился однимъ днемъ явиться къ Генуэзскому правителю Корсики. Разбойникъ нашъ вооружается подобно какъ въ опасныхъ случаяхъ, набрасываетъ на себя *пелону* *, дабы сокрыть подъ ней свое оружіе, и неся небольшую связку шерсти и ягненка, успѣлъ достигнуть палапъ вельможи. Онъ спучился и объявляетъ, что онъ Корсиканецъ, имѣющій объявить

* Епанча Корсиканскихъ пастуховъ изъ овечей шерсти.

важную тайну. Его вводятъ. »Кто ты таковъ и чего опть меня хочешь? « —

Я бѣдный настухъ. Если правда, что вы обѣщали запламитъ сто червонцевъ тому, кто выдаситъ вамъ Гіованъ Камилло, я беру на себя доставитъ его въ ваши руки.

— Да, я обѣщаль, и ты въ эпомъ можешь бытъ увѣренъ, опвѣчаль Лигурійскій намѣстникъ, давая замѣтитъ во всѣхъ чертахъ своихъ выраженіе удовольствія. Въ сію минуту разбойникъ сбрасываетъ съ себя свою *пелону*, кладетъ руку на пистолетъ и говоритъ: »Гіованъ Камилло передъ побою, это я! « Намѣстникъ великолѣпной Республики былъ испуганъ до крайности; онъ видѣлъ, что находится одинъ на одинъ съ человѣкомъ, ко-его угрожающее положеніе, свирѣпый и спрашный взглядъ, весьма соопвѣп-

спвовали съ пѣми слухами, которые о немъ носились, что онъ способенъ на всякое опчаянное дѣло; и боялся не только кричать, но даже и шевелились. Разбойникъ претовалъ опъ него, чтобъ въ продолженіи чепырехъ дней было издано повелѣніе *Non Procedatur* * и опослано къ его мапери. Разспаваясь съ нимъ, онъ прибавилъ: » я буду онаго ожидать, и смотри, не смѣй выходить опсюда или прервать молчаніе прежде, нежели я перейду черезъ мосты **. «

Онъ оставилъ дворецъ и прошелъ черезъ городъ совершенно безопасно; Генуэзской намѣспникъ, который очень хорошо зналъ все, къ чему онъ былъ способенъ, почиталъ благоразумнымъ

* Весьма извѣспный актъ въ Корсикѣ, подъ правленіемъ Генуэзскимъ.

** Мосты Тавигнано и Боспоники, пониже Корте.

дѣйствию, опослать къ нему покровительственный видъ, за которымъ приходилъ онъ самъ съ столь стран-
нымъ образомъ просьбы.

§ II.

Non han quidizio le donne belle *.

КОРСИКАНСКАЯ ПОСЛОВИЦА.

» Моя добрая мать, я побѣгу сообщать Люсиспеллѣ, что я уже переспалъ быть *in disgrazia della giustizia* ** « и въ ту же минуту Гіованъ Камилло былъ уже далеко. Онъ не могъ видѣть сію молодую дѣвушку иначе,

* Прекрасныя женщины не имѣютъ основательнаго разсудка.

** Сіе означаетъ: *впадшій въ немилость повелителя*. Изреченіе въ немилость слишкомъ нѣжно для людей, пролившихъ кровь себѣ подобныхъ; но это обыкновенная поговорка Корсиканская.

какъ въ церкви, которая, будучи пропущена его отважностію и просьбами, была ему очень полезна во время его дѣйствій противъ своихъ враговъ. Увѣдомляя его о ихъ приближеніи, посылая ему съѣстные припасы въ то время, когда непріятели въ большомъ количествѣ показывались во кругъ скалъ, въ ущелія коихъ онъ находился и не могъ выдти не подвергнувшись опасности. Онъ опъ нее все получилъ, потому что съ ея согласія могъ уже идти къ отцу ея просить о согласіи на ихъ бракъ.

Однимъ упрямъ отецъ Люсиспеллы увидѣлъ, что двери его дома загорожены снаружи. Онъ отворяетъ дверь, и видя, что сіи бревна, уступающія легко его усиліямъ, были положены рукою дружескую, онъ идетъ на общенародную площадь и спраши-

ваешъ проекратно громкимъ голосомъ:
Chi è che ha inserpata mia figlea? *
 Молодой человекъ, ищущій руки его
 дочери, появляется. Отецъ Люсиспел-
 лы чувствуетъ неудовольствіе узна-
 вши Гіованъ Камилло; но онъ ограни-
 чивается обѣщаніемъ опѣта, вѣрояп-
 но благопріятнаго, какъ скоро посо-
 вѣтуется съ своими родственниками.

Родственники ему сказали: » Эпаго
 человекъ справедливо боится: онъ уве-
 личитъ силу нашей спорны. Мы со-
 гласны.

— Дочь моя, нравится ли онъ тебѣ?

— Нравится, опѣчаетъ Люси-
 спелла.

— Какъ! человекъ оскверненный
 убійствами?

* Сіе выразить можно слѣдующими словами:
 кто хочетъ вступить со мною въ родственныи
 союзъ?

— Батюшка, онъ сдѣлалъ то, чего и вы бы, вѣроятно, желали отъ вашего сына послѣ вашей смерти, если бы вы погибли — отъ чего да сохранилъ насъ *Maria Vergia* — отъ смерти, каковая сдѣлала его сиротою.

— Онъ слишкомъ далеко простеръ свое мщеніе.

— Выслушайте, батюшка, что случилось нынѣшнимъ годомъ въ Корпѣ.

» Пара ласточекъ, возвращаясь въ гнѣздо свое, нашла оное занятымъ маленькимъ сприжемъ, который въ немъ поселился и даже передѣлалъ по своему, чтобъ имѣть круглое отверстіе. Онъ жилъ въ ономъ и воспрещалъ входъ несчастной парѣ, которая летала вокругъ съ безпокойствомъ. Оная прилетала, улетала, возвращалась — все напрасно: похититель не хотѣлъ оставить гнѣзда. Вскорѣ, лишенная прию-

ша, кричашъ жалобнымъ просительнымъ голосомъ, и множество ласпочекъ прилепають, соединяются въ кучу и хопяшъ разрушить гнѣздо; но маленькой сприжъ держипся крѣпко. Наконецъ всѣ ласпочки исчезаютъ, и возвращаясь чрезъ нѣсколько минутъ, нападаютъ на гнѣздо. Сприжъ входитъ во внутренность онаго, и тогда каждая ласпочка кладетъ въ отверстіе кусочикъ грязи, которую принесла въ носикъ. Такимъ образомъ онъ залѣпливаютъ отверстіе, и похититель остається плѣнникомъ въ томъ жилищѣ, которое осмѣлился опнять у другихъ. «

Люсиспелла, окончивъ свой разсказъ, пошупила глаза. » Дочь моя! « подхватилъ отецъ ея, » маленькій сприжъ былъ виноватъ, но онъ одинъ и былъ наказанъ; а Гіованъ Камцлло поразилъ

весь родъ виноватыхъ и даже ихъ родспвенниковъ.... «

Она напомнила отцу своему ту пвердость, копорую онъ признавалъ въ Корсиканскихъ нравахъ, присовокупивъ къ тому: »Бапюшка, у него опличное сердце; онъ мужеспвенъ. Всъ молодья дѣвушки опзываются объ немъ съ похвалою, и даже мнѣня мушчинъ объ немъ всегда были съ выгодной спороны. «

Опецъ Люсиспелмы согласился съ желаніемъ своей дочери и своихъ родспвенниковъ, и когда Гіованъ Камилло пришелъ къ нему, онъ привѣпспвовалъ его пріятнымъ именемъ сына и поцѣловалъ въ губы.

Вся деревня инпересовалась Люсиспеллою. Одни говорили: » какъ она будетъ прелеспна съ своею уборкою

arriacita, своей легкой *ciccia* **, своемъ замаскированномъ корсетѣ, красной пюникѣ, *Faldette* *, съ такою пріятностію прикрѣпленныхъ внизу, и въ своихъ башмакахъ красныхъ *a alto cocogno*, почти въ такомъ видѣ, какъ она была одѣта два года тому назадъ, когда ея опецъ оказалъ гостепрїимство Посланнику сильнаго Французскаго Короля. « Другія также занимались ею, но ихъ мысли клонились совершенно въ другую сторону. » Дай Богъ, чпобъ она была счастлива, сія добрая и скромная наша сосѣдка! Мы ей опъ души сего желаемъ. »

Обрядъ *basio* или *amicizia*, п. е. обрученіе и попомъ свадьба, быстро слѣдовали одно за другимъ. Люсиспел-

* Родъ манишки.

** Юпка въ складкахъ.

ла хопѣла танцовати *cerca* съ Гіованъ Камилло; она танцовала попомъ *la Marsiliana, la tarentella, la vita d'oro, la cara scena*. Всѣхъ взоры были усипремлены на ея прекрасныя голубыя глаза, и на всѣ восхищительныя ея манеры.

Когда было уже очень поздно, Гіованъ Камилло вручилъ Люсиспеллѣ связку лентъ, которыя надобно было привязати къ волюнкѣ; различныя инструменны начали тогда играть танецъ: *Della spada*, послѣдуемый *del fadro*, которыя обыкновенно оканчиваютъ большія пиршества въ Корсикѣ, и въ эту минуту, когда гости уже считали порою расходиться, они пожелали новобрачнымъ:

Buona fortuna

Tre di machi e femmina una *

* Добраго успѣха: трехъ мальчиковъ и одну дѣвочку.

§ III.

La spada di fassu non cade iu fretta *.

TERCETS DE GUGLIOLMO D'ORCZZA.

Гіованъ Камилло былъ счастливъ; но Люсиспелла не могла не чувствовать безпокойствъ, потому что она видѣла, что ея отецъ былъ въ волненіи духа. Сіе приписывала она къ непріязненнымъ приготовленіямъ, дѣланымъ врагами ея мужа; и въ самомъ дѣлѣ, ихъ ненависть пробудилась при зрѣлицѣ счастья, коимъ наслаждался Гіованъ Камилло. Новое чувство *invidia* (зависть) ** присоединилось къ прежнимъ непріязненнымъ расположеніямъ.

Гіованъ Камилло, почипая всякую

* Небесное мщеніе бываетъ медленно, но бываетъ.

** Три причины смертоубійствъ въ Корсикѣ: *интересъ, женицны, зависть.*

непріязненность между нимъ и его врагами уже погасшею, старался разсѣять облака печали, потемнявшія чело молодой его супруги, своими ласками, повпоряя правило островитянъ: » не убивай того, кто имѣетъ дѣшей. « Богъ дастъ тебѣ ихъ, моя Люсиспелла! говорилъ счастливый мужъ.

Однако Гіованъ Камилло начали задираить; но онъ старался показывать, что сего не замѣчаетъ. Обиженный снова, онъ беретъ вновь свое оружіе, котораго сложить съ себя еще не могъ, опасаясь надобности въ защитѣ. Онъ дѣйствовалъ онымъ даже до послѣдняго издыханія, и—что говорю я! даже тогда, какъ пересталъ жить.

Въ день праздника 6 Іюля, основываясь на словахъ пѣсней, пѣтыхъ послѣ его смерти, и которыя до сего вре-

мени еще не забыты, онъ былъ въ *Сервіонъ* съ Карломъ Антоніемъ, который прежде ему соупспивовалъ. Враги сего послѣдняго извѣспясь, явились немедленно, окружили домъ, просили хозяевъ выдти и объявили Гіованъ Камилло, что онъ можетъ удалиться; но онъ съ своей стороны, почитая посыднымъ дѣломъ оставить своего друга въ минути опасности, остался. Началось сраженіе. Они оба противостояли съ пвердоспїю, и враги Карла Антонія утомились, отступили и оставили для наблюденія нѣсколько солдатъ, которыхъ нарочно привели съ собою. Тогда враги Гіованъ Камилло, услышавъ, что онъ окруженъ въ *Сервіонѣ*, поспѣшили воспользоваться предспавившемся имъ случаемъ. Они также объявили Карлу Антонію, что онъ можетъ удалиться, если жела-

ещь, и онъ, будучи нечувствителенъ къ великодушному прощанью него поступку со стороны Гіованъ Камилло, въ ту минуту, когда его враги на него нападали, бросилъ оружіе; но когда онъ спускался съ лѣстницы, Гіованъ Камилло рѣшился наказати такую низость души, и послалъ ему въ слѣдъ выстрѣлъ изъ ружья, который низвергъ его. Оставшись одинъ, онъ прощивоспоитъ всѣмъ нападеніямъ. Намѣревались заѣхать домъ, но зная, какой Аргусъ его оберегаетъ, потчасъ оставили сіе предположеніе; наконецъ рѣшились уморить его голодомъ. Онъ видитъ крестьянина, несущаго корзинку съ плодами, и кричитъ ему: » дарю тебѣ мой писполетъ за одно яблоко!« Предложеніе слишкомъ лестно, отъ котораго однако крестьянинъ отказывается. Гіованъ Камилло бросаетъ

ему пистолетъ. » Возьми его, по крайности, и отнеси къ Люсиспеллѣ. « Враги его останавливаютъ крестьянина, дабы родственники Гіованъ Камилло не успѣли его избавить. Тогда, обращаясь къ нимъ, онъ сказалъ: » Не думайте, подлѣйшіе изъ людей, » что у меня нечего ѣсть: я нашелъ » льнянаго сѣмени столько, что весьма » на долго для меня будетъ. « Пѣсколь-ко дней спустя, не слыша болѣе шума въ домъ, и полагая Гіована умершимъ, рѣшились войти. Гіованъ Камилло, мертвый, сидѣлъ на креслахъ, стоявшихъ въ углу; рожье было поднято на обыкновенную высоту и приставлено къ спинкѣ кресель. Не замѣтили напередъ, что шалнеръ, которымъ спускается курокъ, былъ привязанъ къ рукъ Гіована. Первый, который вбѣжалъ, закричалъ съ радостію:

» онъ умеръ! « и въ ту же минуту дернулъ къ себѣ ружье: оно выстрѣлило, и безразсудный, осмѣлившійся до онаго допронуться, палецъ пораженный смертельно. Гіованъ Камилло, котораго послѣдняя мысль была, вѣроятно, о Люсиспеллѣ и мщеніи, ибо положилъ на сердце ту руку, къ которой былъ привязанъ шнурокъ, спустившій курокъ ружья. Гіованъ Камилло былъ ужасенъ даже и тогда, когда не существовалъ болѣе. Его враги, въ сомнѣніи живъ ли онъ или умеръ, въ испугъ бѣжали изъ дому и провели цѣлый день въ смертельномъ страхѣ.

ЕЛЬВЕРДУГО.

СЦЕНЫ ИЗЪ ИСПАНСКОЙ ВОЙНЫ (1809).

На колокольнѣ маленькаго городка Менда, часы пробили полночь. Въ сію минуту молодой Французскій Офицеръ, облокотясь на парапетъ длинной перрасы, окружающей сады замка Менда, казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость, совершенно не свойствен-

ную съ безпечностію военной жизни; но надобно согласиться, что еще никогда время, мѣсто и красота ночи не были столько благопріятны для мечтательности. Прекрасное небо Испаніи раскидывало надъ его головою голубоватый шаперъ. Мерцаніе звѣздъ и тихій свѣтъ луны освѣщали, какъ будто не хотя, роскошную долину, раскидывающую у его ногъ всѣ свои прелести. Облокопясь на цвѣтущее померанцовое дерево, баталіонный начальникъ могъ видѣть во сто шаговъ подъ собою городъ Менда, который, казалось, спрятался отъ суровости сѣвернаго вѣтра у подножія горы, на которой возвышался замокъ. Обращая взоры назадъ, онъ видѣлъ море, котораго блестящія волны служили рамою пейзажу, подобно широкой серебряной полосѣ. Замокъ былъ освѣщенъ. Шумные, радостные

клили бала, звуки музыки, смѣхъ нѣкоторыхъ Офицеровъ и ихъ танцовщицъ, достигали до его слуха слипно съ отдаленнымъ шумомъ и плескомъ волнъ. Прохлада ночи придавала нѣкоторую бодрость его тѣлу, разслабленному дневнымъ жаромъ. Окружающіе его сады были наполнены деревьями и цвѣтами споль благовонными, что молодой человекъ чувствовалъ себя какъ будто погруженнымъ въ благоуханной банѣ.

Замокъ Менда принадлежалъ одному Испанскому Гранду, который въ то время жилъ въ ономъ со всѣмъ семействомъ. Во все продолженіе наспоящаго вечера, спаршая изъ его дочерей глядѣла на нашего Офицера съ особеннымъ вниманіемъ, смѣшаннымъ съ такой оппѣнкою горести, что сіе чувство сожалѣнія, выраженное Испан-

кою, могло причинишь задумчивость Французскаго Офицера. Клара была прекрасна, и хопя имѣла прехъ бра-пьевъ и сеспру, но имѣніе Маркиза Легане было споль значительно, что Викторъ Маршандъ былъ совершенно увѣренъ, что молодая Клара будетъ имѣть большое приданое. Но какъ осмѣлился думать, чтообъ рука дочери такога старика, который, на Испанскій манеръ, былъ помѣшанъ на пипулахъ, была вручена сыну Парижскаго пранишника.

Французы были ненавидимы. Генераль G-t-r, управлявшій провинціею, подозрѣвалъ Маркиза Легане въ тайномъ дѣйствіи къ производству возмущенія въ пользу Фердинанда VII, а по сему бапаліонъ, подъ командою Виктора Маршанда, былъ расположенъ въ городкѣ Менда, чтообы удерживать

въ повиновеніи окрестныя деревни, принадлежащія Маркизу. Недавно полученная депеша опть Маршала Нея заставляла опасаться скорой высадки Англичанъ на сіи берега, и наименовывала Маркиза, какъ человѣка, имѣющаго тайныя сношенія съ Лондонскимъ кабинетомъ; а посему, не смотря на опличный пріемъ, сдѣланный Маркизомъ Виктору Маршанду и его баталіону, молодой Офицеръ былъ чрезвычайно остороженъ.

Идя на террасу, съ коей могъ видѣть положеніе города и деревень, порученныхъ его надзору, онъ спрашивалъ самъ себя, какъ онъ долженъ понимать дружбу, копорую Маркизь безпрестанно ему оказывалъ, и какъ согласить видимое спокойствіе, царствующее въ окрестной странѣ, съ опасеніями его Генерала. Но въ мину-

пу всѣ сіи мысли были изгнаны изъ головы молодаго начальника чувствомъ любопытства и благоразумія очень основательнымъ.

Онъ замѣпилъ въ городѣ во многихъ мѣстахъ свѣтъ, а его приказаніе было въ это же самое утро, чѣмъ, не смотря на праздникъ Св. Іакова, всѣ огни были непременно потушены въ опредѣленный для сего часъ. Одинъ замокъ исключенъ только былъ изъ сего повелѣнія. Онъ видѣлъ блескъ ружей его часовыхъ, разспавленныхъ на обыкновенныхъ припинахъ; повсюду была мертвая тишина и ничто не показывало, чѣмъ Испанцы были жертвою пьянства въ этотъ праздникъ.

Стараясь узнать посредствомъ догадокъ причину всеобщаго послушанія жипелей противъ его повелѣнія, онъ

находилъ сіе обспоятельство покрытое пѣмъ бѳльшею пайною, что оставилъ нарочно особенныхъ Офицеровъ для наблюденія за ночными дозорами и рундами. Съ жаромъ, свойственнымъ его лѳпамъ, онъ хопѣлъ уже спрыгнуть черезъ брешь, чтобъ скорѣ сойдти съ горы и добѣжать до меньшаго караула; бывшаго у входа въ городъ со стороны замка, какъ вдругъ слабый шумъ, имъ услышанный, остановилъ его. Ему казалось, что песокъ въ аллеи прещипъ подъ легкими стопами женщины. Онъ обратилъ голову въ ту сторону, но не видалъ ничего; въ замѣнъ того его глаза были поражены необыкновеннымъ блескомъ на поверхности моря. И въ ту же минуту увидѣлъ такую карпину, что, остановясь неподвижнымъ отъ изумленія, онъ досадовалъ

на зрѣніе, его обманывавшее. Серебрянные лучи мѣсяца позволяли ему различать въ отдаленіи видящіеся флаги кораблей. Онъ пренепталъ и старался себя увѣршипъ, что сіе ужасное видѣніе былъ только оптичскій обманъ, произведенный опблескомъ луны на морѣ.

Въ поже мгновеніе, грубый голосъ произнесъ его имя. Офицеръ посмопрълъ въ брешъ и увидѣлъ изъ оной возникающую голову солдата, копорый сопровождалъ его въ замокъ.

— Это вы, Командиръ?...

— Да, это я. Ну чпожъ?... сказалъ тихимъ голосомъ молодой Офицеръ, предваренный какимъ-то предчувствіемъ, чпобъ поступать таннспвеннѣе.

— Этии негодяи шевелятса, какъ

черви! и я поспѣшилъ сообщить вамъ, если позволите, мои небольшія замѣчанія.

— Говори!... отвѣчалъ Викіпоръ Маршандъ.

— Я пошелъ нарочно слѣдомъ за однимъ человѣкомъ изъ замка, который шелъ сюда съ фонаремъ въ рукѣ. О, эпопъ фонарь мнѣ чрезвычайно подозрительнъ, потому что не думаю, чтобъ эпопъ усердный Хрисіянинъ имѣлъ надобность спавити теперь восковыя свѣчи передъ образами. — Они хопяшъ съѣсъ насъ — подумалъ я и принялся наблюдать его шаги; и я примѣнилъ въ шрехъ шагахъ отсюда на полу-горѣ кучу хворосту....

Ужасный крикъ раздался въ городѣ и прервалъ слова солдата. Внезапный

блескъ освѣпилъ баталіоннаго Командира. Бѣдный гренадеръ палъ, пораженный смертельно въ голову пулею. Куча соломы и хворосіпу загорѣлась въ десяти шагахъ отъ молодого человѣка. Музыка и шутки замолкли въ залѣ пиршества. Мертвое молчаніе, прерываемое только спонами, внезапно замѣнило шумъ веселія. Пушечный выстрѣлъ покапился по пѣнной поверхности Океана. Холодный пошъ выпунилъ на челѣ молодого Офицера. Онъ былъ безъ шпаги, и хорошо понялъ, что его солдаты всѣ погибли, и что Англичане дѣлаютъ высадку. Онъ чувствовалъ себя обезчещеннымъ на всегда, опданнымъ подъ военный судъ... Уже онъ измѣрялъ глазами глубину долины, и готовъ былъ броситься, какъ вдругъ рука Клары схватила его руку.

— Бѣгите! сказала она ему: братья мои за мною слѣдуютъ. Въ низу горы вы найдете Андалузскую лошадь. Бѣгите!...

Она сунула его рукою. Молодой человекъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее. Но вскорѣ, повинувшись голосу самохрапенія, не осипавляющему даже и самаго пвердаго духомъ человека, онъ бросился въ паркъ, слѣдуя назначенному направленію, и побѣжалъ между скалъ такою дорогою, которую доселѣ знали развѣ однѣ серны. Онъ слышалъ голосъ Клары, побуждающей своихъ братьевъ его преслѣдовать, слышалъ за собою шаги убійцы. Нѣсколько пуль просвистало надъ его головою. Наконецъ онъ достигъ долины, нашелъ лошадь, вскочилъ на нее и исчезъ съ быспропою молніи.

Въ нѣсколько часовъ, молодой Офи-

церь доскакалъ до главной квартиры G-t-r. Генераль садился обѣдать съ своимъ главнымъ штабомъ.

— Я приношу вамъ мою голову! вскричалъ баталіонный Командиръ, являясь передъ нимъ съ блѣднымъ и обезображеннымъ лицомъ.

Онъ сълъ и разсказалъ ужасное происшествіе. Спрашное молчаніе царствовало во время его разсказа.

— Я нахожу васъ болѣе несчастнымъ, чѣмъ виновнымъ, отвѣчалъ наконецъ грозный Генераль. Вы не можете отвѣтствовать за злодѣянія Испанцевъ; и если Маршалъ не рѣшитъ иначе, я съ своей стороны васъ освобождаю.

Слова сіи доставили весьма слабое утѣшеніе несчастному Офицеру.

— Когда Императоръ узнаеть объ этомъ!... вскричалъ онъ.

— Натурально, онъ захочетъ васъ разстрѣлять.... сказалъ Генераль; но мы посмопримъ. Теперь не будемъ болѣе говорить о семъ происшествіи, продолжалъ онъ суровымъ голосомъ, какъ только для того, чтобъ совершить ужасное мщеніе, которое бы распространило благодѣтельный страхъ по сей измѣннической странѣ.

Часъ спустя, цѣлый полкъ пѣхоты, опрядъ кавалеріи и отдѣленіе артиллеріи были уже въ походѣ. Генераль и Викпоръ ѣхали впереди колонны. Солдаты, зная о гибели своихъ товарищей, были въ безпримѣрномъ бѣшенствѣ. Разстояніе, отдѣляющее городъ Менда отъ главной квартиры, было пройдено съ чудесною быстротою. По дорогѣ Генераль увидѣлъ всѣ селенія вооруженными; но всякая изъ сихъ ничтожныхъ деревушекъ была

разрушена до основанія и всѣ жителли перерублены.

По неизвѣстной причинѣ, Англійскіе корабли оставались въ морѣ не приближаясь къ берегу * и городъ Менда безъ выстрѣла окруженъ былъ Французскими войсками. Жители въ шепетѣ и видя себя лишенными той помощи, которую обѣщало имъ появленіе Англійскихъ флаговъ, согласились сдаться на капитуляцію. По чувству героизма, не рѣдкаго на полуостровѣ, убійцы Французовъ предвидя, по извѣстной жестокости Генерала, что городъ Менда върояпно сдѣлается добычею пламени и жители будущъ переколоты до послѣдняго, предложили на-

* Послѣ уже узнали, что на сихъ корабляхъ находились только артиллерійскіе запасы и что оныя суда пришли поспѣшнѣе оспальныхъ.

звать сами себя виновными. Онъ согласился на сіе, съ договоромъ, что все жители замка, отъ Маркиза до послѣдняго слуги, были вручены ему. По принятіи сего договора, Генераль далъ слово пощадить прочихъ жителей и воспрепятствовать своимъ солдатамъ грабить и жечь городъ. Огромная контрибуція наложена была на городъ и почтеннѣйшіе жители оставлены заложниками до уплаты, назначенной чрезъ двадцать четыре часа.

Озабочившись пужными мѣрами для безопасности солдатъ и окрестной страны, Генераль отказался размѣстить своихъ солдатъ по квартирамъ. Расположивъ ихъ лагеремъ, онъ вступилъ въ замокъ и овладѣлъ имъ по военному. Все члены фамилии Легане и ихъ прислуга были связаны и находились за строгимъ карауломъ. Генераль

приказалъ помѣстить своихъ плѣнниковъ въ той самой залѣ, въ коей давали балъ. Изъ окопъ сей комнаты можно было обнимать взоромъ все пространство террасы, возвышавшейся надъ городомъ. Главный штабъ расположился въ сосѣдственной галлерей, въ коей Генералъ собралъ военный совѣтъ, дабы условиться о мѣрахъ, которыя должно было предпринять, дабы воспрепятствовать высадкѣ.

Отправивъ Адьютанта съ донесеніемъ къ Маршалу Нею, приказалъ выстроить береговыя батареи. Генералъ съ своимъ штабомъ занялись плѣнниками. Двѣсти Испанцевъ, выданныхъ жителями, были немедленно расстрѣляны на террасѣ. По окончаніи сей экзекуціи, Генералъ приказалъ поставить столько висѣлицъ, сколько

было людей зámка, и позвать городского палача.

Воспользовавшись временем, которое оспавалось до объда, приготавливаемого для штаба въ галлерей зámка, Викторъ Маршандъ пошелъ поспѣшить плѣнниковъ и въ скорости возвратился къ Генералу.

— Я поспѣшаю, сказалъ онъ прогашельнымъ голосомъ, испрашивать у васъ милости....

— Вы!... прервалъ Генераль горько-насмѣшливымъ тономъ.

— Ахъ! отвѣчалъ Викторъ, это самая плачевная милость! Маркизь, видя приготавливаемая висѣлицы, надѣбеса, что вы согласитесь опмѣнить сей родъ казни для его семейства и прикажете опрубить головы дворянамъ....

— Пусть такъ, отвѣчалъ Генераль.

— Они просятъ также позволимъ имъ прибѣгнуть къ упѣшеніямъ религіи и приказатъ ихъ избавитъ отъ веревокъ, ихъ связующихъ. Они обѣщаются не искать средствъ къ побѣгу....

— Я согласенъ, отвѣчалъ Генераль; но вы мнѣ за нихъ будете отвѣтствовать....

— Старый Маркизь, подхватилъ баталіонный Командиръ, предлагаетъ вамъ все свое имѣніе, если вы согласитесь пощадить младшаго его сына.

— Право!... отвѣчалъ Генераль; но его имѣніе уже и такъ принадлежитъ Королю Іосифу.... Онъ оспоровился; выраженіе презрѣнія наморщило его чело. Онъ продолжалъ:—Я хочу даже превзойти ихъ ожиданія. Я угады-

ваю важность его послѣдней просьбы. Хорошо! пускай имя его перейдетъ въ потомство и Испанія вѣчно вспоминаетъ о ихъ измѣнѣ и казни... Я отдаю все его имущество и дарю жизнь тому изъ его сыновей, который согласится исполнить надъ своими должностъ палача. Подиже и не говорите мнѣ объ нихъ болѣе.

Викторъ оспался какъ бы окаменѣлый.

Подали объдашь. Всѣ собравшіеся за столомъ Офицеры спарались о утоленіи голода, увеличеннаго усралостію. Одного только между ними не было, — это Виктора Маршанда. Колеблясь долгое время, наконецъ онъ рѣшился возвратиться въ залу, въ коей помялось гордое семейство Легане. Онъ входилъ. Съ какою грустію бросилъ онъ взоръ на

картину, представившуюся ему въ той самой залѣ, въ которой наканунѣ онъ видѣлъ кружащимися, въ вихрѣ вальса, блестящія уборами головы сихъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ и трехъ молодыхъ мужчинъ! Онъ содрогнулся при мысли, что чрезъ нѣсколько минутъ онъ слетяетъ подъ остріемъ меча, взмахнушаго палачемъ. Отецъ и мать, три сына и двѣ дочери были привязаны къ вызолоченнымъ кресламъ, и оставались въ совершенной неподвижности. Восемь безмолвныхъ слугъ были споя, съ руками связанными за спиной. Сии пятнадцать особъ съ важностію посмапривали другъ на друга и ихъ взоры слабо выразили волнующія ихъ чувства. Твердая рѣшимость и сожалѣніе о неуспѣхѣ своего предпріятія, были начертаны на нѣкоторыхъ лицахъ. Спорожившіе ихъ солдаты

пребывали безмолвны, съ уваженіемъ къ несчастію сихъ страшныхъ непріятелей. При появленіи Виктора любопытство изобразилось на всѣхъ лицахъ. Онъ приказалъ развязать осужденныхъ и поспѣшилъ самъ разпоргнуть веревки, удерживавшія Клару плѣницею на креслахъ. Она улыбнулась горестно. Офицеръ не могъ, чѣмъ не допронуться до прелестныхъ, свѣжихъ рукъ молодой дѣвушки. Онъ любовался ея черными локонами, ея гибкою талією, ибо она была наспоющая Испанка; цвѣтъ лица имѣла наспоющей Испанской, немного темный; глаза выразительные Испанскіе; черныя длинныя рѣсницы и зрачекъ чернѣе воронова крыла.

— Успѣли ли вы? спросила она съ могильною улыбкою, въ коей однако

замѣтно еще было легкомысліе молодой дѣвушки.

Викторъ не могъ, чпобъ не вздохнуть. Онъ разсматривалъ попеременно Клару и трехъ ея братьевъ. Одному было тридцать лѣтъ. Хотя малаго росла и невидный собой, со взоромъ гордымъ и презрительнымъ, онъ не имѣлъ недостатка въ благородной осанкѣ и не былъ чуждымъ сей утонченности чувствъ, копорая прежде прославила имя Испанское. Онъ назывался Жуанито. Онъ былъ старшій въ семействѣ. Средній Филиппъ, имѣвшій около двадцати лѣтъ, похожъ былъ на Клару. Меньшему было восемь лѣтъ. Живописецъ, вѣроятно, нашелъ бы въ маленькой головкѣ Рафаэля не много той Римской швердоспи духа, копорую Давидъ придалъ дѣтямъ въ своихъ республиканскихъ описаніяхъ. Спа-

рый Маркизь имѣлъ голову покрытую сѣдинами, которая, казалось, убѣжала съ каршинъ Мюрилло.

При семъ обзорѣ, молодой Офицеръ покачалъ головою, опчаяваясь найти въ сихъ чепырехъ особахъ согласіе на договоръ, предложенный Генераломъ. Однако онъ осмѣлился пересказать оный Кларѣ. Она содрогнулась сначала; но потчасъ, принявъ спокойный видъ, спала на колѣни передъ своимъ опцомъ.

— Батюшка! сказала она, прикажите, чпобъ Жуанито поклялся исполнить въ точности нѣ повелѣнія, которыя вы ему дадите — мы всѣ будемъ довольны.

Старая мать запрепепала опъ надежды; но когда, склонясь къ дряхлому своему супругу, услышала ужасную

пайну опть Клары, шо унала въ обморокъ.

Жуанино поняль все и бѣсился какъ левъ въ своей кліпкѣ.

Викпоръ взяль на себя опослапъ солдапъ, взявъ съ Маркиза слово бытъ въ совершенномъ повиненіи. Прислугу вывели и опдали палачу, который ихъ и повѣсилъ.

Когда оспался только одинъ Викторъ стражемъ несчастной фамили, спарикъ-опецъ вспаль съ своего мѣста и сказалъ:

— Жуанино! . . .

Жуанино поняль, въ чемъ состояло приказаніе его опца. Онъ опвѣчалъ, наклоненіемъ головы, равнявшемся опказу. Онъ упаль на спуль и смопрѣль на своихъ родителей сухими спрашными глазами.

Клара съла къ нему на колѣни и сказала веселымъ голосомъ.

— Любезный мой Жуаннпо! сказала она, обвившись руками около его шеи и цѣлуя его рѣсницы, еслибъ ты зналъ, сколь легка для меня будетъ смерть отъ твоей руки. Я не буду имѣть непріятности чувствовать прикосновеніе презрѣнной руки палача. Ты избавишь меня отъ ожидающихъ непріятностей и... добрый мой Жуаннпо! ты не захочешь выставить меня на позоръ всѣмъ!... Ну, согласенъ ли ты?...

Она бросила пламенный взоръ на Виктора, дабы возбудить въ Жуаннпо все чувство негодованія противъ Французовъ.

— Будь твердъ, подхватишь его братъ Филиппъ; въ пропивномъ случаѣ исчезнешь имя наше навсегда.

Въ ту же минуту Клара вспала. Сполпившіеся около Жуанито молодые люди разошлись, и онъ увидѣлъ передъ собою своего преспарѣлаго опца, который, споя, самымъ торжественнымъ голосомъ сказалъ ему:

— Жуанито, я тебѣ приказываю!...

Молодой Графъ оставался неподвижнымъ; отецъ спалъ передъ нимъ на колѣна. Невольно, Клара, Филиппъ и Рафаиль сдѣлали поже, и всѣ, проспирая руки къ тому, который долженъ былъ спасти фамилію отъ забвенія, казалось, повпоряли слова преспарѣлаго опца.

— Неужели, сынъ мой, ты не имѣешь Испанской твердости и истинной чувствительности?... Хочешь ли заставить меня долго споятъ передъ тобою на колѣнахъ и долженъ ли ты

разсмаприваць свою жизнь и свои спраданія?...

— Это ли сынъ мой, сударыня? присовокупилъ спарикъ, обращаясь къ Маркизъ.

— Онъ соглашается!... вскричала мать въ сильнѣйшемъ опчаяніи, потому что она замѣпила движеніе бровей Жуанипо, которое она одна только могла поняць.

Марикипа, впорая дочь, споя на колѣнахъ, сжимала мать свою въ маленькихъ своихъ объятіяхъ и плакала горько. Увидѣвъ сіе, маленькой Рафаилъ спалъ ей выговариваць.

Въ сію минуцу вошелъ Капелланъ замка. Все семейство окружило его и повело къ Жуанипо. Викторъ, не будучи въ силахъ сносить далѣе сіе зрѣлище, сдѣлалъ знакъ Кларъ и пошелъ

употребить послѣдніе способы къ умилоспивленію Генерала. Онъ нашель его въ веселомъ расположеніи духа, посреди пирующихъ. Опличныя вина наполняли его стаканы и другихъ Офицеровъ, копорые начали уже шупить.

Часть спустя, сто почетнѣйшихъ жипелей Мендскихъ явились на террасу, дабы, по приказанію Генерала, присуствовать при совершеніи казни надъ семействомъ Легане. Опрядъ солдатъ былъ поставлень, дабы удерживать въ должныхъ предѣлахъ Испанцевъ, копорыхъ размѣспили подъ висѣльницами, на коихъ недавно были повѣщены слуги Маркиза, и головы зрительшей почти достигали до ногъ сихъ несчастныхъ жерпівъ. Въ тридцати шагахъ лежала плаха и блиспала съкира.

Палачъ находилса въ готовности,

въ случаѣ отказа Жуанипо; вдругъ среди мертваго молчанія, кругомъ царствовавшаго, слышали шаги многихъ людей, ровную походку отряда солдатъ и слабый звукъ ихъ оружія. Сіи различные звуки смѣшивались съ веселыми кликами офицерской пирушки, подобно какъ накупунъ шумъ бала скрывалъ приготовленія къ ужаснѣйшей измѣнѣ; всѣхъ взоры обратились на замокъ и увидѣли благородное семейство, приближающееся съ невѣроятною твердоспію. Душевная пишина и спокойствіе изображались на всѣхъ лицахъ. Одинъ только блѣдный и разслабленный опирался на Священника, распочающаго всѣ утѣшенія религіи сему человѣку — тому, копорый одинъ долженствовалъ оспаться въ живыхъ. Палачъ понялъ также, какъ и всѣ предстоявшіе, что Жуанипо согласился

занявъ его мѣсто на сей случай. Старый Маркизь, его жена, Клара, Маркиста и ихъ два брата спали на колѣна въ нѣсколькихъ шагахъ отъ роковой плахи. Жуанипо былъ подведенъ Священникомъ. Когда онъ подошелъ къ плахѣ, палачъ дернулъ его за рукавъ, отвелъ въ сторону и, вѣрояшию, далъ нѣкопорыя наставленія.

Капелманъ разставилъ сіи жертвы такъ, чпобъ онѣ не могли видѣть исполненія казни; но это были настоящіе Испанцы: они стояли прямо, не показывая и знака робости.

Клара первая бросилась къ своему брату.

— Жуанипо, сказала она ему, пожалѣй меня за недостойнокъ швердости — начни съ меня!...

Въ сіе мгновеніе раздались шаги по-

спѣшно идущаго челоуѣка. Викторъ прибѣжалъ на мѣсто казни. Клара была уже на колѣнахъ и ея алебастровая шея призывала уже убійственную сѣкиру. Викторъ поблѣднѣлъ, но успѣлъ добѣжать.

— Генераль даруетъ тебѣ жизнь, если ты согласишься за меня выдти!... сказалъ онъ Кларѣ.

Испанка бросила на него взоръ, исполненный гордости и негодованія.

— Поскорѣй, Жуанипо!... сказала она прогательнымъ голосомъ.

Голова ея покапилась къ ногамъ Виктора; и Маркиза Легане, услыша глухой звукъ падающей сѣкиры, сдѣлала судорожное движеніе: это былъ единственнѣйшій знакъ ея горести.

— Такъ хорошо, мой добрый Жу-

анипо?... былъ вопросъ маленькаго Рафаила.

— А! ты плачешь, Марикита? сказалъ Жуанипо сестрѣ своей.

— Да, да!... отвѣчала молодая дѣвушка; я плачу о тебѣ, мой добрый Жуанипо.... Какъ ты будешь безъ насъ несчастливъ!...

Скоро появилась величественная фигура стараго Маркиза. Онъ взглянулъ на кровь дѣтей своихъ; потомъ, обратясь къ предстоявшимъ безмолвнымъ и неподвижнымъ зрителямъ, онъ простеръ руки къ Жуанипо и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Испанцы! я даю моему сыну отеческое благословеніе.... да сопровождаешь оное повсюду шаги его! — Теперь, Маркизь, руби безъ страха, потому что ты безъ порока.

Но когда Жуанипо увидѣлъ приближавшуюся мать свою, поддерживаемую Капелланомъ:

— Она пипала меня своимъ молокомъ!... вскричалъ онъ, и звукъ его голоса изпоргулъ крикъ ужаса у предстоящихъ. Шумъ пиршества и веселья шупки Офицеровъ замолкли при семъ спрашномъ воплѣ.

Маркиза замѣпивъ, что твердость Жуанипо начала колебаться, прыгнула черезъ балюспрадъ и раздробила себѣ голову о камень. Всѣ ахнули опъ удивленія.... Жуанипо упалъ въ обморокъ.

— Генераль! сказалъ одинъ изъ Офицеровъ, бывшій уже полупьянымъ: Маршандъ разсказалъ намъ нѣчто объ эпой казни.... Я увѣренъ, что вы эшаго не приказывали?

— Развѣ вы забыли уже, господа, возразилъ Генералъ, что чрезъ мѣсяць пять сотъ Французскихъ семействъ будутъ въ слезахъ и что мы находимся въ Испаніи? Развѣ вы хотите оставить здѣсь ваши кости?

Послѣ сей выходки, не нашлось даже ни одного Прапорщика, кошорый бы захопѣлъ еще пить.

Не смотря на всеобщее почтеніе, не смотря на почепный титулъ *Ельвердюго* (палачъ), прибавленный Королемъ Испанскимъ къ имени Маркиза Легане, онъ живетъ уединенно, терзаемый печалію и очень рѣдко показывается. Подъ бременемъ своего удивительнаго злодѣянія, онъ, кажется, ожидаетъ съ неперпѣніемъ только

рожденія своего втораго сына, чтобъ
имѣть право соединиться съ любезны-
ми ему пѣнями, которыя всюду его
окружаютъ.

ОТРАВИТЕЛИ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЯМАЙКСКИХЪ ПРАВОВЪ.

I.

Господинъ Плантаци.

Г. Вилль былъ самый достойный почтенія, честнѣйшій изъ всѣхъ богатыхъ владѣльцевъ Ямайкскихъ плантаций. Онъ былъ богатъ, потому что его владѣнія простирались отъ *Акомы* до *Карбета*; онъ былъ добръ, и сосѣди обвиняли его въ излишней снисходительности къ чернымъ.

Главное было то, что Г. Вилль получалъ газету *Times*, и Негро-любивый духъ сей газеты раскрылъ въ немъ чувства самыя филантропическія, копорыя, вѣроятно, подавлены бы были въ его сердцѣ, ежелибъ не были распроганы чтеніемъ помянутыхъ, достойныхъ уваженія листовъ, чтеніемъ, которое Г. Вилль поэтически сравнивалъ съ благодѣтельной россою, копорая способствуесть произрастанію и цвѣту сахарнаго проспника, потому что господинъ планіаціи былъ начинанъ, очень начинанъ; ибо онъ читалъ гораздо болѣе, чѣмъ *уставъ о Черныхъ и Ямайкскаго Меркурія*.

Однимъ упрощъ Г. Вилль пошелъ посѣтитъ свою сахаро-варипельницу, называемую *Anse aux bananiers*. Впереди его двое Негровъ, вооружен-

ные ножами, шли босикомъ. Сии вѣрныя слуги, одѣтые только въ однѣ холщевыя шировары, должныствовали, собирая колючія тернія, прокладывать дорогу для мула, на коемъ ѣхалъ ихъ господинъ, и убивать пресмыкающихся, копорыя могли его смертельно уязвить, попому что всѣмъ извѣстно, что змѣя съ *копейнымъ жаломъ* очень опасна, а господинъ плантацій такъ дорожилъ своимъ животнымъ, что не отдалъ бы оное и за пятьдесятъ *кадрюплей*.

Прибывши, онъ увидѣлъ надзирающаго заведенія, который наказывалъ Негра, привязаннаго къ бревну. — Гей! Яковъ! закричалъ господинъ; въ чемъ провинился эпитъ невольникъ?

— Онъ хотѣлъ убѣжать и сдѣлаться *каштанымъ* *... По закону слѣдуетъ

* Каштанными Неграми называютъ тѣхъ, ко-

пятьдесятъ ударовъ плетью, но какъ вы изволили всѣ наказанія убавить вполовину, по ему надо дать только двадцать пять.... Онъ получилъ еще только двѣнадцать....

— Продолжай! изрекъ *благодѣтельный* Г. Вилль при восклицаніяхъ своихъ негровъ, которые гордились, что имѣютъ споль добраго господина.

Онъ взошелъ попомъ на сахарную мельницу. Сія машина соспояма изъ двухъ огромныхъ цилиндрическихъ камней, вертящихся на своихъ осяхъ, оставляя между собою самый маленькій промежутокъ, въ который вкладывался сахарный проросникъ, подвигаемый по мѣрѣ того, какъ мельница оный вбираетъ и сопретъ. Шаги Г. Вилля,

которые убѣгаютъ въ горы, чпобъ жить на свободѣ.

идущаго по пальмовымъ листьямъ, набросаннымъ на полу мельницы, не могли быть услышаны молодою Негрипянкою, подкладывавшей проростникъ въ мельницу.... но не на мельницу обращались особенно взоры бѣдной дѣвушки, но на молодаго и прекраснаго Негра съ выразительными глазами, бѣлыми зубами и съ черною блестящею кожею на щѣлѣ.

Иногда прекрасный Негръ приближалъ свои губы къ нѣжнымъ губамъ дѣвушки; и тогда она склоняла нарочно голову и уста ея любовника цѣловали только ея длинные шелковидные волосы.

Тогда бѣдная дѣвушка хохотала изо всей силы.... Между тѣмъ огромные цилиндры впаскивали и выпаскивали длинный проростникъ, и она, разнообразно движенію онаго, приближалась

къ машинѣ, не смотря и занимаясь своимъ любовникомъ.

— *Мели*, говорилъ онъ ей, ты отказываешь мнѣ въ поцѣлуй!... Зачѣмъ же я подарилъ тебѣ прекрасный шейный уборъ изъ перьевъ колибри? Часпо для тебя я ловилъ ящерицъ съ голубоватою, золотовидною чешуею; я далъ тебѣ передникъ, который пожелала бы имѣть первая красавица мулатка нашей страны.... Разъ двадцать носилъ за тебя ноши. Сии глубокія раны доказываютъ, что не разъ принималъ я за тебя наказаніе, которое тебѣ слѣдовало, упуская любимаго господиномъ голубя.... и за все это одинъ только поцѣлуй, одинъ только!...

Мели не была неблагодарною, нѣтъ, она и сама пропянула съ улыбкою къ нему свои коралловыя губки.... какъ вдругъ испустила ужасный вопль, за-

спавившій обернувшись почтеннаго Г. Виля, который искалъ уже надзирающаго, чпобъ велѣлъ ему наказать плешью шупливую и праздную Негришянку.

Занятая совершенно своею любовью, подвигая не смотря безпрестанно руку къ машинѣ, несчастная не замѣтила, чпо въ оной не было уже болѣе прѣстника, и въ ту минуту, когда любовникъ обнималъ ее, она вставила кисть руки между цилиндрами, которые, продолжая оную втягивать, раздробили.... Рука послѣдовала бы за кистью, ежелибъ молодой Негръ не бросился на *спасительный топоръ* * и однимъ ударомъ не отдѣлилъ бы опъ

* Сіе произшествіе такъ обыкновенно, что нарочно кладутъ для сего близъ мельницы топоръ.

руки кисти, которая исчезла спертая въ дребезки между камнями.

Негръ былъ осужденъ къ сорока ударамъ плешью за то, что задержалъ производство работъ и *изуродовалъ* Негрипянку его господина. Что же касается до *Мели*, то ее уволили отъ наказанія за безразсудство, потому что она не была главнѣйшею причиною, и вредъ, который она себѣ сдѣлала, былъ болѣе убыточенъ для ея господина, чѣмъ для нее собственно: она потеряла только одну руку, а онъ потерялъ по крайности сонню *гурдовъ* *. Потомъ отослали ее въ больницу плантацій, потому что прежде всего надобно быть человѣколюбивымъ.

* Изуродованный Негръ теряетъ по крайности треть своей цѣнности.

Тогда вновь раздались радостныя восклицанія. Господинъ плантацій возвратился домой, сопровождаемый благословеніями своихъ невольниковъ, закурилъ свою сигарку, раскинулся на своемъ сафьянномъ шюфякѣ, пилъ много и приказалъ своимъ невольникамъ псзвать къ нему *Іафета*, какъ скоро онъ его кликнешъ.

И попомъ, какъ ничто не располагаетъ болѣе къ спокойствію, какъ доброе дѣло, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

II.

ІАФЕТЪ.

Іафетъ былъ Нѣгръ, *Конго*, необыкновенно смѣпливый, несравненно ловкій и долгое время онъ занималъ должность надзираателя за охотничь-

ими собаками Г. Вилля, который через сіе оказывалъ ему особенный родъ уваженія и довѣренности. Но уже прошло пѣнадцать дней съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Іафетъ былъ опрѣшенъ опъ своей должности и замѣщенъ другимъ Негромъ. Онъ сдѣлался задумчивъ, бранчивъ, худѣлъ видимо, не опзывался на ласки своей жены *Изиды* и съ прудомъ даже тѣлъ *маньоко*, ею приготоовляемый всякій вечеръ со вздохомъ. Когда ему сказали, что господинъ его спрашиваетъ, онъ сидѣлъ въ своей хижинѣ безмолвенъ, успремивъ глаза на пустую колыбель и въ такомъ безчувствіи, что надобно было сильно потрясти его, чпобъ принудить опомниться, его, который былъ первымъ коридеемъ въ *Calalou* и *Bamboula* *, когда, въ часъ прекра-

* Танцы Негровъ.

снаго вечера, Негры танцовали при звукѣ бубновъ и *калебассъ*, наполненныхъ зернами золополиспника.

Онъ вышелъ не обрапя даже взгляда на свою жену и пошелъ къ господской хижинѣ, копорая отличалась отъ прочихъ своими зелеными спавнями, блестящей и гладкой кровлею, и густыми пальмами, оную опѣнявшими.

Господинъ, небрежно лежа на постелѣ, игралъ куркомъ своего охотничьяго ружья: по спускалъ, по взводилъ оный. Негръ вошелъ. Его черты, хотя запечатались сильною печалію, были спокойны; но вдругъ ужаснѣйшее выраженіе ненависти и бѣшенства блеснуло на его лицѣ, которое мгновенно воспріяло вновь свою обыкновенную неподвижность.

Но не сердитый взоръ Г. Виля, не ружье имъ держимое возбудили

гнѣвъ и страхъ Іафета; но видѣ ловкаго Негра, который, сидя у ногъ своего господина, шупилъ съ прекрасной Испанской собачкою, и своей злой и насмѣшливой улыбкой выказывалъ съ намѣреніемъ, до какой степени пользуется онъ довѣренностію своего господина.

— Іафеть! сказалъ ему достойный Г. Виль, я примѣчаю болѣе и болѣе твою небрежность.... Впервыхъ ты худѣешь, между тѣмъ какъ добрый Негръ долженъ всегда стараться быть здоровымъ, чшобъ дѣлать честь своему господину и показывать, что онъ споймъ хорошихъ денегъ.... Напротивъ того собаки мои худѣли; я опнялъ у себя присмотръ за ними, далъ тебѣ другую должность; но ты и оную также исполняешь дурно. Ты не будешь болѣе ко мнѣ показываться

и будешь заниматься съ другими Неграми одинаковыми работами; ты не будешь ходить со мною въ городъ, и Шамъ займетъ свои должности.

И тогда можно было сказать, что глаза Тафета хотяпъ выпрыгнуть изъ своихъ мѣстъ. Онъ держалъ въ рукѣ ключъ опъ двери, который сжалъ такъ крѣпко, что топъ погнулся....

— » Простите, Милоспивѣйшій Государь!... Простите! пробормоталъ онъ послѣ минутнаго молчанія... Девять дней только тому назадъ, какъ я началъ не заниматься своею должностію, а до пѣхъ поръ....

— До пѣхъ поръ, это правда, ты былъ всегда достойнымъ слугою, сказалъ господинъ, бросая кусочикъ сахару Шаму, который началъ опнимать оный у *Испанской собаки*; но съ той поры, надобно имѣть мое великодушіе, чпобъ не

заставишь тебя умереть подъ плетью Надзирашеля, ибо пусть Богъ меня покораетъ, если я поминаю, чему приписать такую перемену въ своемъ поведеніи.

Тогда Іафетъ, какъ бы вышедшій побѣдителемъ изъ внутренней борьбы самъ съ собою, произнесъ съ трудомъ и какъ бы не хопя: »Это опть того, что девять дней тому назадъ, какъ мой сынъ исчезъ... и я не могу ни о чемъ думать, кромѣ сей ужасной потери... Я любилъ столько моего первенца!«

— Твой сынъ исчезъ! подхватилъ почтенный Вилль, вспавая съ своего мѣста и прикладываясь въ Іафета своимъ ружьемъ, которое, по счастью, не было заряжено: ибо Іафетъ спойлъ по крайности приста *гурдовъ*. Твой сынъ исчезъ!... негодяй!... Негренокъ

лучшей породы!... Прекрасно, не удовольствовавшись шѣмъ, что ты пренебрегалъ моими собаками, ты теряешь своего сына.... ты хочешь меня раззорить! Слушай, если завтра, въ эпопѣ часъ, твой сынъ не найдется, если черезъ десять дней ты не будешь здоровъ по прежнему, то будешь жестоко наказанъ. Убирайся вонъ и чпобъ я не видѣлъ тебя болѣе; а ты, мой любезный Шамъ, вопъ возьми эти часы, которые я было назначилъ для этаго негодяя, возьми ихъ: ты заслужилъ шаковый подарокъ, попому чшо ты мнѣ такъ служишь, какъ никогда не умѣлъ эпопѣ безумный. А ты.... ступай вонъ! или клянусь тебѣ, чшо ты познакомишься съ моимъ ружьемъ!

Надобно знать, до какой степени простирается ненависть и ревность

между Неграми, чпобъ постигнуть то, что испытывалъ Іафетъ: онъ попяпился назадъ, и вышелъ сложа руки и не произнося ни слова; но онъ усипремилъ быспрый и пламенный взоръ на Шама съ неизъяснимою выразительностью.

Когда онъ вышелъ вонъ, то засмѣялся такимъ смѣхомъ, который заспавилъ шрепетать Г. Виля, между тѣмъ какъ Шамъ предавался дѣтской радости, поднеся часы къ уху и слушаа какъ они стучали.

III

ОТРАВИТЕЛИ *.

Была уже ночь; ничего не было слышно, кромѣ шуму высокихъ пальмъ,

* Еще въ 1822 году на всѣхъ Анпилскихъ островахъ, Франціи и Англіи принадлежащихъ, существовала *секта отравителей*. Сей родъ тайнаго

колеблемыхъ вечернимъ въпрямь, произительныхъ криковъ ящерицы, или печальнаго пѣнія выпюпней и жериссъ.

Одинъ человекъ съ шрудомъ карабкался на остроконечную гору, составлявшую подножіе *Суфріера*, горы, лежащей на сѣверо-западной оконечности Ямайки. Часто онъ прицѣплялся къ *ліанамъ*, висѣвшихъ на массахъ краснаго гранита, иногда съ помощію палки, окованной желѣзомъ, которою дѣйствовалъ весьма искусно, прыгалъ съ одного обрыва горы на другой, и

судилища, составленный изъ каштановыхъ Негровъ, собирался въ извѣстные времена въ непроходимыхъ ущеліяхъ, извѣстныхъ только оспровскимъ Неграмъ. Оному каждый Негръ приносилъ свою жалобу, рассказывалъ о причинахъ желаемого опмищенія и попомъ, произнеся обычную клятву, получалъ чашичку яду, которою могъ испребить живописныхъ или бѣлыхъ людей. Последніе изъ сихъ отправившелей были казнены въ 1823 году.

можно бы было ужаснуться, видя его иногда почпи висѣвшимъ надъ сими бездонными пропастями. . . . Одинъ разъ, изпомленный успалостію, скользя по косвенной пропинкѣ и ища подпоры, на чемъ бы можно было удержаться, увидѣлъ колеблющійся надъ собою одинъ изъ сихъ прекрасныхъ *кактусовъ* съ красными и бѣлыми цвѣтами, и схватилъ оный. . . . но вдругъ отбросилъ съ ужасомъ сіе холодное и липкое тѣло. Это была весьма большая змѣя, которая играла, освѣщаемая лучами мѣсяца. Человѣкъ скапился почпи съ горы, но въ своемъ паденіи онъ встрѣпилъ кучу густыхъ и твердыхъ ракипниковъ, прицѣпляенся къ онымъ, примѣчаетъ пропинку въ десяти шагахъ, закрываетъ глаза, падаетъ и узнаетъ дорогу, которая долженствовала его прямо довести до вершины горы.

Сей человекъ былъ Иафетъ, изперзанный, окровавленный; ни одна жалоба не вырывалась изъ его спѣсенной груди; только взоръ его блисталъ въ темнотѣ, и время опть времени имя сына вырывалось изъ его устъ.

Послѣ неслыханныхъ усилій, онъ достигъ наконецъ вершины горы. Она была совершенно покрыта пальмовыми, аловыми и банановыми деревьями, копорья еще не чувствовали прикосновенія сѣкиры и такъ срослись густо, что Иафетъ никогда не успѣлъ бы проникнуть между сими деревьями, переплетшимися и перепушавшимися во всѣхъ направленіяхъ, если бы его оплочный ножъ не просѣкъ ему наконецъ дороги между симъ густымъ лѣсомъ.

Примѣтивъ издали красноватый блескъ, онъ началъ смѣяться спра-

нымъ образомъ, вопкнулъ свой ножъ за поясъ и спалъ прислушиваться... Слышны были только крики ящерицы и печальная пѣснь витюпней и жериссъ...

Иафетъ нашелъ наконецъ проложенную дорогу; онъ долго по ней слѣдовалъ, прислушиваясь со вниманіемъ.

Скоро онъ спалъ различать странные и поржественные голоса, но еще слабые и въ отдаленіи... Онъ затрепалъ и удвоилъ шаги... Голоса спали слышнѣе... Негръ приближался съ ужасною быспропою... вдругъ перестали пѣть, послѣдовало мгновенное молчаніе... и чрезъ нѣсколько времени услышали крикъ дипяпи, сначала страшно-пронзительный, потомъ умирающій и судорожный... Казалось, что имя Иафета произносимо было при послѣднемъ издыханіи.

Іафепъ, окаменѣлый, оставался неподвижнымъ, съ блудящими взорами. . . . »Возможно ли!« сказалъ онъ, »неужели я пришелъ уже поздно! . . . Адъ и смерть! . . . Іафепъ, сказали мнѣ въ темнотѣ, твой сынъ находится на *Суфріертъ*. . . . Шамъ предалъ его. . . . Можетъ быть онъ служитъ для ихъ чародѣйскихъ заклинаній. . . . Бѣги, спѣши къ горѣ, еще есть время. . . . проклятіе и адъ. . . . Шамъ! Шамъ! . . . «

Странныя и торжественныя пѣнія часть опъ часу дѣлались громче, и Іафепъ продолжалъ бѣжать, произнося проклятія, на красноватый свѣтъ, который окрашивалъ пурпуровымъ цвѣтомъ часть огромныхъ деревьевъ густаго лѣса, между нѣмъ какъ другія обрисовывались черными массами надъ симъ воспламененнымъ основаніемъ.

Иафетъ наконецъ добѣжалъ, спрятался позади уступа горы, которая далеко отбрасывала его тѣнь, и началъ разсматривать. . . .

Посрединѣ обширной прогалины было собраніе большаго количества Негровъ, которые, сидя съ сложенными крестообразно руками, устремляли пристально свои взоры на трехъ черныхъ Негровъ, окружавшихъ спальную вазу, поставленную на пламеняющій костеръ; подлѣ нихъ находилась еще свѣжая и окровавленная дѣвская голова, вопкнувшая на длинную бамбуковую палку: это была голова Иафетова сына. Тѣло дитяти кишѣло въ вазѣ, наполненной водою; ибо кромѣ двухъ бѣлыхъ цесарокъ, пяти змѣиныхъ головъ, трехъ червей пальмоваго оливника и чернаго голубя, необходимо было нужно для полного

совершенія чародѣйсва достать тѣло двѣнадцатилѣтняго мальчика. А по сему отправители, руководимые Шамомъ, овладѣли молодымъ Іафомъ въ одинъ день, когда онъ заблудился при захожденіи солнца, гонясь за голубыми попугаями на пустынныхъ берегахъ соленого озера.

Когда Іафетъ узналъ голову своего сына, то съ быспропою молвіи выхватилъ свой ножъ, но его ноги подкосились и онъ упалъ оледенѣвши отъ ужаса у подножія горы.

Это было еще не все: Іафетъ узналъ Шама среди черныхъ. Все для него изъяснилось: Шамъ укралъ у него сына, зная, что пораженный таковою поперею, онъ не будетъ исполнять съ почностію своей должности, занять которую было жарчайшее желаніе Шама, и потомъ чтобъ употребить

для себя въ пользу ребенка и поладить съ оправителями, въ коихъ могъ имѣть со временемъ нужду, онъ предалъ имъ свою жертву.

Что сдѣлалъ Шамъ въ семъ случаѣ, дѣлается также и вездѣ; только различны употребляемыя средства.

Трое черныхъ продолжали свое дѣйствіе; по данному знаку всѣ сполпились на пологоспни горы и къ нимъ привели молодаго Негра.

» Чего ты пребуешь? « спросилъ одинъ изъ прехъ старшинъ, котораго чело было совершенно закрыто бѣлыми и курчавыми волосами. — Мщенія пропивъ моего господина, его имущества, дѣтей и домашняго скота. —
 » Что онъ тебѣ сдѣлалъ? « — Мой отецъ былъ снаръ и изпомненъ работами въ то время, когда господинъ нашъ услышалъ, что получается дорогая плаща

за тѣхъ Негровъ, которые подвергаются публичной казни *; зная, что онъ не получитъ и двухъ самыхъ мѣлкихъ монетъ за кожу моего отца продавъ его съ публичнаго торгу, онъ его ложно обвинилъ въ воровствѣ, настоялъ, чтобъ онъ былъ осужденъ, и получилъ цѣну его крови, и теперь, когда я вамъ сіе рассказываю, тѣло моего бѣднаго спара-

* Чтobъ принудить хозяевъ плантацій не скрывать своихъ Негровъ отъ приговоровъ, произносимыхъ судебными мѣстами, правительство опредѣлило награду за каждаго Негра, осужденнаго закономъ на смерть, изъ 300 гурдовъ. Чтo заспавляетъ иногда хозяевъ плантацій дѣлать *коммерческіе* обороты, подобно здѣсь означенному, заспавляя осуждавъ по ложнымъ доносамъ несчастныхъ престарѣлыхъ и больныхъ Негровъ, которые, не имѣя уже никакой цѣнности, не принося никакой пользы, спуютъ болѣе расходами на свое содержаніе, чѣмъ доставляютъ выгодъ. А какъ цѣна ихъ смерти есть довольно значительна, то владельцы почищаютъ оное за ловкій оборотъ.

го Милка качается на висѣлицѣ! —
 «Подойди и обожди,» сказалъ Негръ съ
 бѣлыми волосами.

Другой просиптель представился. Это
 былъ веселый и свѣжій Негръ; сколько
 черты Милкова сына были обезо-
 бражены и впалы, споль напропивъ
 лице перваго было кругло, полно и
 лоснилось. Вопросы начались снова.

— Чего ты пребуешь? — «Я изъ се-
 ленія, называемаго *Ансъ Нельсонъ*, поч-
 пенный отецъ; нашъ господишъ очень
 добръ, наши хижины чисты и про-
 хладны, плоды садовъ нашихъ принад-
 лежатъ намъ, и никогда не опнима-
 ютъ дѣтей нашихъ опъ матерей,
 прежде чѣмъ первымъ совершится
 пятнадцать лѣтъ; сухія *морія* и
маньоко раздаются щедро, и какъ ми-
 ло смотрѣшь на насъ по Воскресень-

ямъ, прыгающихъ и веселящихся на морскомъ берегу или ныряющихъ въ воду, чшобъ достать *гурды*, которыми господинъ награждаетъ искуснѣйшаго плавателя! Что касается до надзирательской плети, то наши дѣпи употребляютъ оную, дабы ворочать черепахъ на берегу, « сказалъ онъ смѣючись, » и двадцать изъ насъ отказались опъ свободы, чшобъ оспасться при такомъ милоспивомъ господнѣ. «— Ну! такъ чегожъ ты хочешь? спросилъ съ неперпѣниемъ старый Негръ. » Померпи немного, почтенный отецъ, ты это сей часъ услышишь. Господинъ нашъ теперь богашъ, онъ хочетъ возвратиться въ Европу: тогда наши плантаціи, можетъ быть, будутъ куплены какимъ нибудь бѣлымъ злымъ, который прикажетъ навязать новые ремни къ плети надзиратель-

ской; а потому всѣ ниши Негры послали меня къ вамъ просить погубить домашній скотъ и жапву, принадлежащія нашему господину, такъ чпобы достапочно разорить его, дабы онъ не могъ въ скорости оставить островъ, и мы моглибъ сохранить его для нашего счастья сего обожаемаго господина! *

Старый Негръ произнесъ сильный крикъ, на который всѣ черные опвѣстивовали; подозвалъ сына Милка и невольника изъ *Ансъ Нельсона*, велѣлъ имъ спастъ на колѣни и сказалъ: »Клянись каменнымъ крестомъ, находящимся близъ хижины власпипеля, недрами вашей матери и глазами вашихъ женъ, сохранить впайнѣ все вами видѣнное?« — Мы клянемся.—»Знай-

* Историческое событiе.

те, что за малѣйшую нескромность вы падете подъ ударами сыновей *Суфриеры*. — »Мы знаемъ эпо.« — Обѣщайтесь кляпвенно споспѣшествовать ненависти вашихъ соповарищей, даже жертвуя вашими женами и дѣтьми, еслибъ сіе сдѣлалось необходимо для достиженія предположеннаго надъ бѣлыми мщенія? — »Клянемся! «...

Послѣ чего Негръ приказалъ сыскаать нѣсколько свертковъ съ ядовитыми правами, которыхъ доспoinство они только одни знали. Глава секты подержалъ оныя нѣсколько времени надъ паромъ вазы, раздѣлилъ на двѣ части и подозвалъ Милка и Кюдди.

Потомъ, обмакнувъ въ вазу бамбуковую прость, помазалъ имъ лобъ, брови и грудь.

Послѣ чего вручилъ каждому изъ нихъ часть яда, объяснивъ его свойства и употребленіе, и заставивъ ихъ повпорить данную кляпву надъ головою ребенка.

Іафепъ препепаль ужаснымъ образомъ.

Косперъ издавалъ уже только блѣдный свѣтъ; Негры распались, назначивъ вновь собратъся въ помъ же мѣспѣ черезъ семнадцать дней, и удалились въ свои недоступныя пещеры.

—Черезъ семнадцать дней! вскричалъ Іафепъ, прыгая отъ радости; черезъ семнадцать дней, Шамъ!...

Два часа спустя, онъ уже былъ въ своей хижинѣ подлѣ своей жены Изиды, молившейся со слезами предъ пустой колыбелію ихъ сына, и ничего не слышно было снаружи, кромѣ шу-

ма вѣпвей длинныхъ пальмъ, колеблемыхъ вѣтромъ, пронзительныхъ криковъ ящирецъ и пихихъ и печальныхъ пѣсней выпюпней и жериссъ.

IV.

ПРАЗДНИКЪ.

Двадцать съ небольшимъ дней спустя послѣ того времени, всѣ владѣльцы плантацій Ямайкскихъ собрались въ домъ почтеннаго Г. Вилля, и его обширный и хорошо устроенный домъ съ трудомъ могъ вмѣщать толпу посѣпителей.

Посреди огромной залы, убранной кедровымъ деревомъ и акажу, въ которую солнечный свѣтъ чуть чуть проходилъ сквозь занавѣсы, накрѣико задернутыя, богато-одѣтые Негры

поспепенно подчивали гостей ананасами и арбузами изъ ледника, длинными бананами, споль пріятными для вкуса, масломъ расптѣиій, заключающихъ въ себѣ тончайшій ядъ, *goiавомъ*, инбиремъ и множествомъ другихъ фруктовъ, облитыхъ блестящимъ и чистѣйшимъ сахаромъ, которыя сіяли будто брилліанты. Послѣ сего двое двѳрецкихъ разносили пуншъ, сдѣланный изъ рому, тафій и инбиря, при которомъ подавали небольшіе кусочки пальмовой капусты, обсыпанные сахаромъ и ванилью. И такъ зала почтеннаго Вилля была настоящимъ раемъ въ ту минуту.

Тамъ двигались, поплакались молодья, рѣзвые креолки съ черными и блестящими взорами, шупливыя, гибкія и легкія, какъ дочери Гренады; по ихъ пріятной и выразительной улыб-

къ , по занимательной небрежности наряда, можно было узнать смуглыхъ дѣвушекъ Ямайкскихъ; нѣкоторыя, полу-лежа въ разноцвѣтныхъ висячихъ постеляхъ, позволяли молодымъ черно-волосымъ мушкетерамъ качать себя, или быспро бѣгали, чуть чуть допроги-ваясь прелестными своими ножками до полу и, смѣясь, играли длинными перьями своихъ опахалъ.

Самая рѣзвая веселость царствовала въ семъ восхищительномъ жилищѣ; только время отъ времени прерывались сіи игры, и тогда спрашивали съ неперпѣніемъ: » да скоро ли они придутъ? «

Потому что много хлопотъ было въ тюрьмѣ. Вообразите себѣ, пятьдесятъ Негровъ и Негрянокъ успокоить,

исповѣдать, приобщить и повѣсить, это не такъ-то скоро дѣлается; потомъ разставивъ войска, назначивъ совершеніе обряда; особенно потому, что встрѣтилось одно прешекотливое обстоятельство: обѣ власти, военная и гражданская колоніи, захотѣли насладиться зрѣлищемъ процессіи; но надобно было, чибобъ начать съ которой нибудь. И это предпочтеніе чрезвычайно беспокоило начальника тюремъ, Г. Жонсона, который однако, вспомня изрѣченіе *cedant arma togae*, приказалъ сперва провести осужденныхъ Негровъ передъ домомъ Гражданскаго Правительства. Воишь почему и мучило неперпѣніе госпей почтеннаго Г. Виля, который жилъ почти о бокъ съ домомъ Военнаго Губернатора.

Однако раздался таки наконецъ

глухой звукъ, копорый спановился часъ опъ часу явспвеняѣ; попомъ сѣи крики: »вопъ они! вопъ они!« Всѣ бросились къ окнамъ, всякій занялъ для себя мѣсто, кромѣ только одной молодой дѣвочки, копорая начала плакать; ибо ей ничего не было видно. — Бѣдное дитя!

Въ одномъ окошкѣ порчала полспая фигура Г. Вилля. »А! а! мои негодяи, это не дурно, что таки наконецъ васъ поймали; а это по чьей милоспи? сказалъ онъ обернувшись съ самодовольнымъ видомъ къ собранію. По моей милоспи, или лучше сказать, по милоспи эпаго шуша Гафета, копорый показалъ намъ, гдѣ пахнешъ розами. Напримѣръ, эпаго я ему, право, никогда не прощу, что онъ пакъ исковеркалъ бѣдняжку Шама послѣ

его смерти; ибо не довольно того, чтобъ зарѣзать, онъ еще... бррръ.... это ужасно! Но наконецъ, пусть Богъ сохранитъ душу сего бѣдняка! попому что онъ-то открылъ намъ убѣжище отравителей, прежде чѣмъ бросился въ пропасть *безхвостаго волка*; однако сіе не помѣшало проклятой сей сектѣ разорить *Ансъ Нельсонъ* до той степени, что эпотъ бѣдный *Адамсъ*, который имѣлъ столь прекрасное состояніе, долженъ теперъ снова приняться по прежнему за работу, человека, котораго всѣ Негры обожали. — Это непоспизжимо! отвѣчалъ другой владѣлецъ. — »Пусть бы, сказалъ *Вилль*, пусть бы несчастіе было удѣломъ только такихъ негодяевъ, какъ *Гарри*, который избавляетъ себя отъ старыхъ Негровъ, продавая ихъ на висѣлицу! Это варварство! Отъ

сего-то, со времени казни бѣднаго Милка, ужасная смертность царствуетъ въ его владѣнїи. «

Крики, возвѣщавшіе о прибытіи кортежа, прервали слова Виля: эпо были оправители, копорыхъ мы уже видѣли на *Суфрїертъ*; они шли въ два ряда, одѣтые въ холстинныхъ плапьяхъ, съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ; впереди ихъ шелъ старый съдовласый Негръ.

Они пришли на площадь, на коей стояли двѣ висѣлицы. Казнь началась въ пять часовъ, по причинѣ большаго жару; въ шесть часовъ старый Негръ съ бѣлыми волосами, которому назначено было быть послѣднимъ, надѣлъ веревку себѣ на шею, произнося громогласно, какъ и всѣ товарищи, ему предшествовавшіе: «Вѣчное проклятіе измѣннику Іафету!»

Всю ночь панцовали у почпеннаго
Вилля и много забавлялись, ибо по-
добнаго праздника давно не видали въ
Ямайкѣ.

ПАРИЖЪ И ПРОВИНЦІИ.

КАРТИНА ИЗЪ ФРАНЦУСКИХЪ ПРАВОВЪ.

Я уроженецъ Бретанскій, а попому безъ всякаго сомнѣнія дворянинъ, но въ весьма юныхъ лѣтахъ оставилъ мою родину и прибылъ въ Парижъ поискать счастья. Торговля представляла мнѣ лучшее поприще, чтобъ разбога-

тѣпѣ; я рѣшился заняпья оною и сдѣлался милліонщикомъ. При всемъ томъ я не былъ счаспливъ: спрасп къ ученію овладѣла мною, пакъ какъ и другими. Я много чипалъ и во всѣхъ книгахъ видѣлъ возгласы сильнѣйшіе о паппріотизмѣ, опъ того и мнѣ пришло въ голову любить мою родину: это было развлеченіе подобное другимъ. И такъ я принялся обожапья Бретань и перешаривалъ архивъ моего воображенія, чпобъ опыскапья воспоминанія изгладившіяся и впечатлѣнія угасшія моего дѣпства. Я не былъ счаспливъ въ моихъ изысканіяхъ: слишкомъ молодымъ оставилъ я опеческій домъ и столько различныхъ происшествій случилось послѣ того времени, что память моя представляла мнѣ только одни неполные и изроверканные образы; я долженъ бы рѣшиться лю-

бить мою родину на слово, и я находился въ такомъ положеніи, какъ неоднократно въ маскарадѣ предполагая прелести, копорыхъ не могъ видѣть, и восхищаясь предполагаемыми совершенствами. Забвеніе, съ своимъ пусклымъ взоромъ, покрывало своею рукою мою вселюбезную Брепань и закупывало ее въ моихъ глазахъ въ огромное черное домино. Все, что я могъ только припомнить о мѣстѣ моей родины, есть то, что это страна лѣсная, а потому я столько полюбилъ деревья, что не могъ безъ пренебанія сердца поднять глазъ на пушистые вязы, копорые разкидывали бѣдныя свои вѣтви передъ кофейнымъ домомъ въ Парижѣ; мнѣ казалось въ Булонскомъ лѣсу видѣть вѣпорое опеченство. Близкіе мнѣ люди и друзья начали попихоньку говорить другъ другу,

что я помѣшанъ, и я узналъ, что нѣкоторые изъ моихъ родственниковъ изволили хлопотать, чтобъ запереть меня въ домъ сумасшедшихъ. Правда, что мое поведеніе легко было осуждать: всѣ предметы казались мнѣ въ одностороннемъ видѣ. Дюгесклинъ былъ моимъ героемъ. Превалеское масло полько одно могло быть на моемъ столѣ; мое перо, которое доселѣ знало полько записывать приходъ, выводилъ расходъ и сводилъ итоги, начинало уже сочинять спансы на замокъ *дела Мотъ Гелмонъ*, и на *Треитскую* башню.

» Спихи!! « вскричалъ мой Кассиръ, взглянувъ на мою счепную книгу, и вышелъ, бросивъ на меня взглядъ, въ которомъ живо изображался ужасъ. Болѣзнь часъ опъ часу во мнѣ усиливалась, и мысль, меня мучившая, болѣе и болѣе спановилась единственною моею мыслию.

Если я бывалъ провупть предспавленіемъ *Вильгельма Телл*, по единственнo опть того, что слышалъ Швейцарскую *Ranz des vaches*, и когда меня спрашивали о причинѣ, заспавлявшей меня такъ часто посѣщать оперу, я опвѣчалъ съ простосердечіемъ, что ѣзжу пользоваться деревенскимъ воздухомъ. Самая дѣвица *Тагліоне* * казалась мнѣ вѣрною копіею сихъ простосердечныхъ панцовщицъ моей родины, выказывающихъ свои неподдѣльные совершенства и ихъ простосердечную, опкровенную веселость, которой должно было удивляться. *Это прелестно! божественно!* кричали около меня. *Это Бретанское!* опвѣчалъ я имъ.

Однако мое здоровье начало разспроиваться и испорченность моего вооб-

* Знаменистая Парижская панцовщица.

раженія подѣйствовала и на тѣло: изнурипельная лихорадка мучила меня жестоко, разлабляла, и всѣ знанія Медиковъ были безсильны противъ упорства моей болѣзни. Наконецъ одинъ Докторъ, искуснѣйшій, сказалъ мнѣ, чпобъ я бросилъ въ огонь всѣ рецепты и наспавленія. » Вы чпоже мнѣ пропишете? « — Почтовыхъ лошадей, сказалъ онъ. — И на слѣдующее утро я уже былъ на Брешанской дорогѣ.

» О мое отечество!« восклицалъ я съ воспоргомъ, между тѣмъ какъ шесть сильныхъ лошадей мчали меня съ быспропою, » ты одно только испинно » прекрасно, любезно, восхиппительно! » О прекраснѣйшая изъ любовницъ! » твои прелесни никогда не вянутъ. За » тебя Леонидъ умеръ въ Греціи, для » тебя Вашингтонъ основываетъ ре- » спублику шамъ, гдѣ было одно поселе-

» ніе; уроженецъ Попавери видитъ де-
 » рево, свойственное климату его ро-
 » дины, и слезы выплупаютъ у него
 » изъ глазъ: въ немъ нашель онъ всю
 » свою родину!... «

Я былъ на семь мѣстѣ моего воз-
 гласа, какъ вдругъ почпартъ прерваль
 меня, прося на водку. » Тфу къ чорпу! «
 думаль я, »я никогда еще не былъ въ
 такомъ вдохновеніи, со времени моего
 ученія ринпорики. « Вдохновеніе мое
 возврапилось во время опдыха, и ког-
 да съ наступленіемъ ночи я прибыль
 съ *Quimperlay*, шопъ городъ, въ коемъ
 я родился, я цѣловаль землю, какъ че-
 ловѣкъ, ласшійся отъ кораблекруше-
 нія, привѣтспвуетъ гостепріимный
 берегъ, давшій ему убъжище.

Это было на претій день моего
 прибытія; я сидѣль рядомъ съ моимъ

старшимъ братомъ Маркизомъ Керанфлейкъ, помѣщикомъ прехъ десятивъ земли, и на пропивъ моей сестры, дѣвицы Анны-Герпруды Керанфлейкъ, которая въ своей юности опказывала всѣмъ женихамъ, которые за нее сватались, и осталась дѣвушкою, опасаясь уронить свою породу.

— Ну, Шевалье! сказалъ деревенскій дворянинъ, посмопрѣвши при раза на пополокъ; что скажешь о нашей Бретани? Ты такъ молодъ былъ, когда оставилъ родину, чтобъ заняшься финансами, что ты, вѣроятно, забылъ оную совершенно.

— О, да! отвѣчалъ я; »и если бы имѣлъ хотя малѣйшее воспоминаніе объ этой споронкѣ и о людяхъ, которые живущъ въ ней, я—признаюсь вамъ, господинъ Керанфлейкъ, мой почтеннѣйшій

братецъ, и вы, дѣвица Анна-Гертруда, моя сестрица, что я не оставилъ бы улицы Артуа для Бретани.

— Что ты говоришь, братецъ? вскричала Гертруда голосомъ досады.

— Я говорю, сестрица, что предосадно человѣку, привыкшему жить въ хорошемъ обществѣ, быть водиму по цѣлой провинціи, кланяясь на право и на лѣво, обнимаешь всѣхъ и быть безпрестанно обнимаему, переходя изъ рукъ въ руки, какъ будто на креспинахъ; не говоря уже о распросахъ молодыхъ дѣвушекъ, о нравоученіяхъ сларыхъ петушекъ и о порученіяхъ цѣлой кучи родсипвенниковъ.

— Это показываетъ древность нашего рода, Францискъ, сказалъ Маркизь Керанфлейкъ. Всѣ Бретанцы наши родственники.

— Желая имъ всякаго благополучія! возразилъ я; но что до меня касается, я не хочу, чпобъ цѣлые города были наполнены моими кузипами, и чпобъ мѣспечки и деревни называли меня *дядюшкою*.

— Но васъ приняли вездѣ какъ блуднаго сына, и ты не можешь пожаловаться на гостепрїимство твоихъ единопземцовъ.

Еспь люди варварски гостепрїимные, моя любезнѣйшая сеспрїца, и если мнѣ еще хоть разъ случится встрѣпить шакого ужаснаго хозяина, какъ эпомъ Баронъ, къ коему вы возили меня вчерась, я лучше соглашусь сдѣлаться пуспынникомъ и откажусь видѣть людей во всю мою жизнь. Вообразите, Керанфлейкъ, подобное моему несчастіе! Сидя между двухъ почтеннѣйшихъ помѣщицъ, задушев-

ныхъ пріятельницъ моего покойнаго прадѣдушки, я какъ будто споялъ въ рамкѣ между двумя семейственными поршретами, копорымъ была извѣстна вся исторія моего дѣпства, копорья, казалось, вели записку о всѣхъ моихъ шалоспяхъ, и не пропустили ни одного украденнаго яблока, ни одного удара пруюномъ, и дабы утѣшить меня за скуку, претерпѣнную въ сей честной компаніи, какой объдъ—Господи Боже мой! Половина быка, цѣлый боровъ, гора масла, два изковерканные барана, и вездѣ чеснокъ, чеснокъ—опъ копораго хотѣлось бы бѣжать! Я ожидалъ всякую минуту, что какой нибудь Омировскій герой войдетъ присутспивовать при семъ пиршествѣ Гигантовъ. О Робертъ! о Десмаръ! о Вери! чтобъ сказали вы при зрѣлищѣ сполькихъ нарушеній повареннаго искусства!

— Таковъ былъ споль нашихъ предковъ, опвѣчалъ Маркизь Керанфлейкъ, и герой Брешани Дюгесклинь....

— Былъ невѣждою въ поваренномъ искусствѣ передъ Роберномъ, подхвапилъ я. Я согналъ бы моего повара, если бы онъ подалъ мнѣ на споль цѣлаго павлина съ перьями, и спю разъ предпочпу шампанское или шамберпень — гиппокрасу.

Мой брапецъ и сестрица не слишкомъ были довольны моею откровенностию, и посепенно я терялъ болѣе и болѣе въ ихъ мнѣнїи; но надобно было имѣть терпѣнїе святаго, чпобъ переносилъ въ молчанїи все провинціальныя невыгоды, копорья ппяготѣли надъ моею головою. Всякій вечеръ, непременно, хотѣлъ ли я или нѣтъ, спарая управительница расска-

зывала мнѣ повѣсти о духахъ и привидѣніяхъ цѣлой провинціи; и одинъ разъ, когда я приказывалъ ей затворить дверь, она отвѣчала мнѣ важнымъ голосомъ, что она всегда оставалась опворенною для входа моего покойнаго дѣдушки, который имѣлъ привычку всякую ночь оставлять жилище пѣней, чшобъ посѣпить старинное свое мѣстопробываніе.

— Онъ появляется въ видѣ волка, сказала она. Я его совершенно узнала.

— Вопшь опличная физиогномистка! подумалъ я. Въ продолженіи же дня моя сесприца изволила давать мнѣ уроки въ провинціальномъ этикетѣ. И ея наставленія безпрестанно повторялись, попому что я всегда забывалъ, говоря съ окреспными дворянчиками, придавать имъ пипулы, чшо приводило въ негодование все Брешанское

дворянство, по рассказамъ дѣвицы Анны де Керанфлейкъ, которая не любила шутокъ памъ, гдѣ дѣло шло объ эпикетѣ, и генеалогическое древо умѣла объяснить съ такимъ совершенствомъ, какъ самъ Гозе.

Однимъ упрямъ, когда я былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, сидя на огромныхъ обойчапыхъ креслахъ, живыхъ памятникахъ художества нашихъ предковъ, братецъ мой вошелъ ко мнѣ въ комнату съ таинственнымъ видомъ. Онъ держалъ въ рукахъ огромнѣйшую книгу въ листъ, которой одинъ видъ заставилъ меня содрогнуться. » Это пракпанъ о Геральдикѣ; ты можешь учипься оной во время праздныхъ часовъ въ Парижѣ. «

— Праздныхъ часовъ, братецъ! Неужели ты думаешь что бываютъ па-

ковые въ Парижѣ? Едва я вспалъ, какъ уже дѣла зовущъ меня: надобно прочитать письма опъ моихъ корреспондентовъ и отвѣчать на оныя; еще не положилъ пера, какъ пробилъ часъ завтрака. Надобно прочитать журналы того дня, а ихъ сполько теперъ развелось! Попомъ бѣжапъ на биржу, покупать, продавать, надобно отвѣчать и говорить съ двадцатью челоуѣками разомъ. Послѣ биржи надобно вѣдь обѣдать! Послѣ обѣда прощай работа!... Тагліоне панцуепъ, надобно скакать въ оперу. Не говорю еще о балахъ, засѣданіяхъ палатъ, романахъ и брошюркахъ, публичныхъ чпеніяхъ, и проч. и проч. Я едва могу вообразипъ, какъ достаептъ одной жизни на споль многоразличныя занятія.

— Однако, возразилъ Керанфлейкъ,

ты жаловался вчерась, что день такъ дологъ.

— Это опть пого, любезнѣйшій брашець, что здѣсь мнѣ нѣчего дѣлать, и я смертельно скучаю.

— Ты скучаешь въ домѣ прародительскомъ?

— Домъ моихъ прародителей еспь самое ужаснѣйшее зданіе, которое я имѣлъ честь когда либо видѣть. Чудныя окошки, стѣны десяти фушовъ высоты, на пополкѣ бревна какъ будто въ деревенской церкви, ровъ съ грязною водою, въ которой полощущся ушки — вопть прекрасная перспектива для любителя изящнаго! Заспиховалъ ли ты опть огня сіе великолѣпное зданіе, Маркизь де Керанфлейкъ?

— Чпужь дѣлать! и я долженъ былъ послѣдовать общему примѣру.

— И такъ мнѣ оспазется душевно пожелать, чтобъ огонь пожралъ домъ моихъ прародителей.

При сей выходкѣ, благородная кровь моего брата воспалилась въ его жилахъ, и онъ бросилъ на меня такой взглядъ, въ которомъ отражалась вся гордость шестнадцати колѣнъ родословной.

— Ты видишь сіи поршрешы? вскричалъ онъ. Это твои предки, которые не признають тебя своимъ попозкомъ и тебя проклинають. Какъ! ты хочешь, чтобъ погибъ сей домъ, въ которомъ хранятся сіи драгоценныя изображенія? «

— Но онъ отвратительнаго вкуса, любезнѣйшій братецъ. Я не дамъ рубля за сію старую помѣщицу, которая, кажется, сдѣлала себѣ платье изъ своихъ занавѣсокъ. Надобно полагать,

что эпопѣ Шевалье готической формы вынулъ цѣлую рѣку гипокрасу, чтобъ имѣть такое красное лице. Увѣряю тебя, что вся коллекція нашихъ предковъ развѣ продаспся въ *Буллонской отели*, и по копѣекъ по тридцати за портретъ.

— Чортъ меня возьми! вскричалъ Маркизь, долженъ ли я слышать такія хулы?

— Не сердись пожалуй, мой любезный, я больше тебя имѣю права бѣситься. Разказалъ ли я еще тебѣ половину доказательствъ моихъ пропивъ Брепани; говорилъ ли о колоколахъ, оглушающихъ меня всякій вечеръ; о ребяцахъ, копорыя всегда толпами бѣгають за мною по улицамъ, какъ будто я какой нибудь орангъ-упангъ прибывшій для удовольворенія ихъ

любопытства? Къ довершенію несчастья, я прїѣхалъ еще на Святой недѣль, во времена веселостей. Какія ужасныя веселости, брагъ Керанфлейкъ! Вездѣ, гдѣ не появляюсь я, вижу по сѣнямъ и поселянокъ танцующихъ при звукѣ самой отвратительнѣйшей музыки, какую ухо человѣческое когда либо слышало. Бретань должна быть адомъ Италіянцевъ, братецъ мой! и не лѣзя оказатъ сильнѣйшихъ преслѣдованій человѣку, подъ предлогомъ, будипо его хопятъ забавлятъ! Но вокальной музыки я боюсь всего болѣе. Эти народы съ намѣреніемъ выдумали особыя согласныя, чипобъ сочинятъ свои пѣсни. Я столь часто слышалъ одну пѣсню, копорая теперъ у васъ сдѣлалась модною, чпо по неволѣ зашвердилъ оную на память. Она столько вперлась въ мое воображеніе, чпо въ шумѣ вѣтра

я слышу несносные ея звуки, и ночью, когда шолько хочу заснуть, спужъ маятника часовъ моихъ, кажепся, бьетъ пакту той же пѣсни, и я хочу знать, выбирая судьбою всякаго человѣка, не совсѣмъ потерявшаго разсудокъ, не можеть ли таковое безпрестанное по-впореніе однѣхъ и пѣхъ же словъ, произносимыхъ голосомъ Спектора, довести честнаго человѣка до каковаго либо опчаяннаго поступка? Но послушайте сами, брашецъ....

— Нытъ, Францискъ, я вѣрю тебѣ на слово.

— Прошу меня извинить, но мнѣ хочеться дать тебѣ примѣръ народной вашей поэзіи. Скажи, что ты объ ономъ думаешь, Керанфлейкъ?

A Rosperden, Quimperlay, Concarneau,

Oh! oh! oh!

Les filles sont gentilles!

A Rosporden, Quimperlay, Concarneau,

Oh! oh! oh!

Les garçons sont beaux....

— Довольно, довольно, Францискъ!
Я вижу съ неудовольствіемъ, что ты
не доволенъ своимъ путешествіемъ.

— Напрошивъ, очень доволенъ, Мар-
кизь де Керанфлейкъ: оно излѣчило
меня отъ пристрастія къ сельской
жизни и отъ желанія провести оста-
шокъ дней своихъ въ нижней Бретани.
Я васъ оставляю симъ же вечеромъ,
и ежели когда либо придетъ мнѣ въ
голову посѣпить вновь сію споронку,
то пусть *Шеветъ* зашворитъ для ме-
ня двери своего храма, пусть я буду
исключенъ, какъ Парія, изъ числа по-
сѣщителей *Тортони*, и пусть пошлютъ
меня во Французскій театръ, когда дѣ-
вица *Тагліоне* танцуетъ.

НИЩІЙ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ПАРИЖСКИХЪ ПРАВОВЪ.

Теперь я занимаю въ лучшей части Парижа прекрасныя богатоубранныя комнаты; моя библіотека состоишь изъ большаго количества томовъ въ щегольскомъ переплетѣ; мягкіе ковры разоспаны на полу, дабы нога ступала по онымъ безъ шума; большіе

кисейные занавѣсы съ сложеными фигурными складками сверхъ пунцовыхъ шелковыхъ занавѣсъ.

Присовокупите къ тому, что я обладаю величайшимъ благомъ: независимостью совершенною.

Если мнѣ захочется перелистывать небрежно новую книгу, я могу; если пожелаю лучше прогуливаться въ полулежащемъ положеніи въ колясочкѣ, запряженной двумя вороними конями, копорые гордо поднимающъ свои головы, спуща копытами въ землю и повинуются возжамъ блестяще одѣтого кучера, то и это могу, когда только мнѣ угодно.

Но прежде я жилъ въ шестомъ этажѣ на улицѣ Св. Такова, въ маленькой законченной комнаткѣ, совершенно на концѣ круглой лѣстницы,

нечистой и почти безконечной. Бѣдный ученикъ *Правъ*, доведенный до необходимости, для пропитанія себя, давать уроки Лапынскаго языка по пятнадцати *су* за билетъ, или разрисовывать картинки по *пяти* Франковъ за соню! Я почиталъ себя неизъяснимо счастливымъ, ежели могъ купить сколько дровъ, чпобъ пропитать всю зиму мой каминъ, который такъ сильно дымился.

Если же мнѣ случилось быть такъ богатымъ, чпобъ пообѣдать въ Воскресенье у ресторатора, и послѣ него засѣсть въ партеръ *Одеона* или *Маленькаго театра*, о! это уже былъ день величайшаго блаженства!

И при всемъ томъ всегда съ удовольствіемъ воспоминаю сіи пропекшіе дни моей юности, сколько быстро и

навсегда улѣпѣвшіе! Это отъ того, что я былъ тогда счастливъ, жилъ на авось въ эпоху блаженной безопасности, видѣлъ только настоящее, не заботился о будущемъ!

А когда наступала ночь, я слыхалъ на лѣспницѣ проворную походку и шелестъ плащя. О! какъ я былъ тогда счастливъ! Это была Жозефина.

Она входила запыхавшись, не въ состояніи будучи промолвить ни одного слова, волосы въ безпорядкѣ и щеки покрыпыя краснымъ румянцемъ отъ сильной усталости.

Ея рука упала на задъ моего стула, она клала свою голову на мое плечо, поднимала на меня свои большіе глаза и смотрѣла на меня улыбаясь.

Счастливъ будучи какъ не лзя бо-

лѣе, я не смѣлъ дѣлать ни малѣйшаго движенія, боясь уронить драгоцѣнное бремя и поперять удовольствіе чувствоваться ея чистое и благовоющее дыханіе.

Вдругъ молодая дѣвушка вскакивала и, какъ игривая и своенравная плутовочка, перебрасывала мои бумаги, опворяла ящики, перешаривала всѣ вещи; послѣ чего опять садилась съ дѣпскою важностію, и хопѣвши говорить о чемъ нибудь разсудительномъ, переходила въ скорости къ нѣжнымъ пустякамъ.

Наконецъ ей приходило вдругъ въ голову идти прогуливаться, и въ ту же минуту надобно было ей повиноваться. Схвапившись рука съ рукою, мы бродили по темнымъ закоулкамъ Лапинскаго квартала, или даже путе-

шествовали до шумныхъ бульваровъ на коихъ въ полу-свѣпѣ двигались, скрещивались сполько различныхъ особъ, вещей и фонарей, сполько голосовъ, повпорялись, смѣшивались съ разнообразными звуками.

Уединясь между сею толпою народа, мы жили другъ для друга; для насъ довольно было одного слова, взгляда, пожапнїя руки, чпобъ размѣняться нашими чувспвами, чпобъ наслаждапсья воспоргами любви.

И тупъ представлялись безпреспанно для насъ предметы смѣха или груспныхъ впечатлѣнїй: печальная пѣснь дамы подъ покрываломъ, ссора пресполодиновъ; углообразная походка пьянаго, коррикапура выставленная за окошкомъ лавки, освѣщенной газомъ, и мы безпреспанно или хохотали опъ

всего сердца, или сожалѣли оцъ всего сердца.

Вечеромъ, по обыкновенію, мы весело прогуливались; вдругъ плачевный голосъ и видъ неизвѣснаго, загородившаго почти намъ дорогу, прервалъ наши шутки и заставилъ оспановипсья.

Это былъ нищій.

Въ жизнь мою я не видалъ подобной физиогноміи.

Онъ былъ сухощавъ, высокъ рѣспомъ, со впалыми глазами, сѣдые и обсприженные кругомъ волосы выказывались изъ подъ спарой дырявой шляпы. Длинный темнаго цвѣпа камзолъ покрывалъ его туловище, согнутое, хотя еще замѣпно здоровое и сильное; наконецъ онъ казался спарымъ болѣе оцъ развратной жизни, нежели оцъ лѣпъ.

Я сказалъ ему суровымъ голосомъ пропустить насъ; онъ опивчалъ на это дерзкимъ требованіемъ — подашь ему милоспыню.

Раздосадованный его настойчивостію, я опшолкнулъ его моею палкою, каковую въ то время каждый ученикъ *Правъ* имѣлъ преимущество носить при себѣ. Онъ хотѣлъ еще пропивиться, и доведенный до крайности, я бросилъ его на земь сильнымъ толчкомъ.

Онъ вспалъ въ такомъ ужасномъ гнѣвѣ, что заставилъ трепетать *Жозефину*; и удалился дѣлая намъ знаками угрозы.

Я смѣялся надъ сими безразсудствами, и утѣшая мою подругу, вскорости возобновили мы нашу прогулку, и скоро позабыли нищаго и гнѣвъ его.

Начинало спановиться темно, и мы

уже возвращались въ улицу Св. Іакова, завяпые пріятными мечпами будущаго, мечпами, коимъ не суждено было никогда сбыться. Вдругъ Жозефина прервала меня: » посмотри! о, посмотри! « сказала она, » какая прекрасная шаль! « и своимъ нѣжнымъ пальчикомъ показывала она мнѣ опличный кашемировый плапокъ, совершенство работы Французскихъ мануфактуръ.

Такое сильное желаніе видно было въ ея взорахъ, она, казалось, такъ бы была счастлива имѣть сію прекрасную шаль, что я внупренно самъ себя даль слово купишь оную для нее въ первый разъ, какъ скоро буду сполько богаты, чпобъ сіе выполнишь.

На это надобно было по крайней мѣрѣ двадцать франковъ.

Я проводилъ Жозефину до ея квар-

пиры, ибо мы видѣли бродящаго около насъ помянутаго нищаго въ то время, когда мы разсматривали шаль.

Возвратясь домой, дабы поскорѣй имѣть способы купить для Жозефины шаль, я принялся работать всю ночь. Посудите о моемъ удовольствіи, когда пробилъ часъ идти на лекцію. Я былъ измученъ усталостію, хопѣлъ даже ложиться въ постель; но я приобрѣлъ четвертую часть суммы, которой стоила шаль.

Во весь остатокъ недѣли, я упоривалъ таковымъ образомъ мою работу и отказывался даже опъ прогулокъ, не смотря на убѣжденія Жозефины. Но когда наступила Суббота, торгующій эстампами, для котораго я работалъ, вручилъ мнѣ столь давно съ нетерпѣніемъ желанные *двадцать* франковъ.

Я не могъ заснуть во всю ночь. Меня столько радовало воображаемое удивленіе Жозефины, когда послѣ завтра мы пойдемъ вмѣстѣ покупать желанную шаль.

Я не имѣю надобности увѣрять, сколь долгимъ показалось мнѣ слѣдующее Воскресенье.

Для довершенія непріятностей, Жозефина пришла поздно, обращалась со мною уже не такъ нѣжно, немного даже съ замѣшательствомъ, и это обхождение было для меня слишкомъ непріятно, не смотря на то, что я приписывалъ оное отказу, дѣланному мною въ прошедшихъ дняхъ, съ нею прогуливаясь.

Мы пошли вмѣстѣ гулять. Сердце мое было сжато. Я не зналъ, что говорить съ Жозефиною, и она ни разу

не пожала руки моей во все продолжительное время прогулки изъ улицы Св. Іакова до булеvara *Бонъ-Нуviel*.

— Я оспановился съ нею передь окошками магазина. Шаль не была уже вывѣшана.

— Ее вѣрно купили! сказалъ я съ печальнымъ вздохомъ.

Жозефина затрѣпепала.

Эпо мнѣ было очень пріятно. »О!« думалъ я самъ съ собою, »какъ она будетъ благодарить меня за то, что я подарю ей уборъ, столь неперпѣливо желанный, и купленный мною на труды ночей, проведенныхъ безъ сна.«

Я весело вошелъ въ лавку. Жозефина поблѣднѣла, вынула руку изъ подъ моей руки и оспановилась на порогъ.

— Войдемъ, сказалъ я ей шутя. Почему знать? можетъ быть найдется еще другая подобная шаль; и можетъ быть для своего милаго личика тебѣ и подарятъ ее.

Смущеніе Жозефины было неописанно.

— Войдемъ, войдемъ! присовокупилъ я, не будучи уже въ состояніи скрывать своей радости и таща ее съ собою. Войдемъ! Ежели не найдется ни одного учтиваго кавалера, который захочетъ это сдѣлать, то я уже куплю для тебя.

Въ магазинѣ былъ одинъ прикащикъ, весьма громогласный. Онъ смотрѣлъ на насъ, когда мы спорили, съ насмѣшливымъ тономъ, который мнѣ очень не понравился; а потому я началъ съ нимъ говорить голосомъ, показывав-

шимъ, что я не позволю надъ собою смѣяться.

— Мнѣ бы хотѣлось имѣть такую же шаль, которая нѣсколько дней тому назадъ выставлена была здѣсь за окошкомъ.

Толстый прикащикъ началъ смѣяться.

Жозефина бросила на него просительный взглядъ. Этимъ взглядъ родилъ во мнѣ тысячу мыслей, тысячу подозрѣній. Кровь всупила мнѣ въ лице.

— Нѣтъ, продолжалъ прикащикъ продолжая смѣяться; барышня эта хорошо знаетъ, что та была послѣдняя. Эрнесъ вѣрно ей сказалъ объ этомъ, когда подарилъ оную ей.

Я взглянулъ на Жозефину. Онъ говорилъ правду.

Дать пощечину прикащику, обѣщая завтра съ нимъ увидѣться, съ ругательствомъ воспретить Жозефинѣ показываться ко мнѣ на глаза, было дѣломъ одного мгновенія, не зная даже самъ что дѣлаю, какъ будто въ бреду горячки.

Выходя изъ магазина, ужасный смѣхъ поразилъ слухъ мой, и я увидѣлъ исчезающую во мракѣ фигуру нищаго.

По утру надобно было имѣть дуэль съ толстымъ прикащикомъ, который гораздо искуснѣе владѣлъ аршиномъ, нежели шпагою, и котораго испугъ былъ слишкомъ замѣпенъ. Я рѣшился окончить споль неравную борьбу небольшою раною, данной моему противнику; вдругъ странный голосъ нищаго поразилъ слухъ мой, раздавшись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Я

вздогнулъ, и прикащикъ, воспользовавшись симъ мгновениемъ, пронзилъ мнѣ грудь: я упалъ безчувствъ.

Между тѣмъ, какъ меня несли домой, мнѣ казалось, какъ будто во снѣ, что я вижу передъ собою насмѣшливое выраженіе лица нищаго. Я хотѣлъ закричать, чтобъ его удалили; но какая-то смрадная рука закрыла мнѣ ротъ, кровь удушала меня и я упалъ безъ чувствъ.

Нѣсколько дней сряду я былъ между жизнью и смертію, и выздоровленіе мое было продолжительно; наконецъ юныя лѣта мои воспоржествовали надъ опасностію опъ полученной раны, и я черезъ шесть мѣсяцевъ могъ впервые выдти на свѣжій воздухъ.

Толстый прикащикъ, меня ранившій, будучи въ опчаяніи, что чуть чуть не сдѣлался убійцею чловѣка

изъ пуспой шупки, не отходилъ отъ моей постели во все то время, когда жизнь моя находилась въ опасности, и во все продолженіе времени моего выздоровленія, онъ посвящалъ мнѣ всѣ минуты досуга. Тронутый таковою дружбою, я почувствовалъ къ нему душевное расположеніе. Онъ подаль мнѣ руку, помогъ сойти съ моего шестаго этажа и былъ моею опорой во время первой моей прогулки послѣ выздоровленія, которое однако не было продолжительнымъ.

Потомъ онъ обѣщалъ мнѣ способствовать къ опмщенію надъ проклятымъ нищимъ, главнѣйшею пружиною всѣхъ моихъ несчастій, невѣрности Жозефины, моей дуэли и раны. Нищій передавалъ моей малюпкѣ письма отъ Коммиссіонера Эрнеста, влюбленнаго въ нее уже съ давняго времени.

Онъ увѣдомилъ сего молодаго человека, сколько ей хочется имѣть кашемировый плапочекъ; онъ скрыпно провель его въ спальню Жозефины, и побѣжалъ разсказать въ магазинъ устѣхъ Эрнеста и мою поперю.

Окончивъ нашу прогулку, хопѣли мы уже идти домой, какъ вдругъ замѣтили на концѣ улицы множество народа. Посрединѣ сей толпы, двое негодяевъ, пьяные, валялись въ пыли и произносили отвратительные крики. Я узналъ голосъ нищаго и, не смотря на мою слабость, побѣжалъ къ тому мѣсту.

Увидѣвши меня, злодѣй засмѣялся, насмѣшливымъ образомъ приподнялся на локтяхъ и показывая мнѣ на женщину, коверкавшуюся подлѣ него, сказалъ: »довольно ли я опмспилъ за себя? «

Товарищъ мой упасилъ меня отъ сего зрѣлища въ жалостномъ положеніи. Женщина, раздѣлявшая отвратительное пиршество нищаго, увы! была Жозефина!

К О Н Е Ц Ъ.